

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Российский государственный гуманитарный университет»

На правах рукописи

Ахмади Бэни Фатэмэ

**Этикетные ситуации русского диалога
с позиции носителя персидского языка**

5.9.5 – Русский язык. Языки народов России

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук, доцент
Шаронов Игорь Алексеевич

Москва – 2024

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
ГЛАВА 1. СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ ВЕЖЛИВОСТИ И РЕЧЕВОГО ЭТИКЕТА	12
1.1. Основные понятия речевой коммуникации.....	12
1.2. Универсальные принципы вежливости в теориях П. Браун, С. Левинсона, Дж. Лича и др.....	17
1.3. Речевой этикет и вежливость.....	21
1.4. Национальная специфика речевого этикета, исследования в области межкультурной коммуникации.....	23
1.5. Характеристика этикетного поведения современной русской культуры	28
1.6. Характеристика этикетного поведения персидской культуры	35
Выводы по главе 1.....	42
ГЛАВА 2. ЭТИКЕТНЫЕ СИТУАЦИИ ПРИГЛАШЕНИЯ, ПРИЕМА ГОСТЕЙ И КОМПЛИМЕНТОВ В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ КОММУНИКАЦИИ НА ФОНЕ ПЕРСИДСКОЙ	44
2.1. Стереотипный характер коммуникации: сценарии и роли	44
2.2. Этикетные речевые акты и речевые жанры.....	47
2.3. Национальные особенности гостеприимства в русской коммуникативной культуре на фоне персидской.....	52
2.4. Этикетная ситуация «Приглашение в гости».....	53
2.5. Этикетная ситуация «Прием гостей».....	61
2.6. Этикетная ситуация «Комплимент».....	68
2.6.1. Классификация комплиментов.....	71
2.6.2. Ситуации использования комплиментов.....	79
2.6.3. Ответ на комплимент в русской и персидской коммуникативных культурах.....	84

Выводы по главе 2.....	89
ГЛАВА 3 СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ФОРМУЛ РЕЧЕВОГО ЭТИКЕТА РУССКОГО И ПЕРСИДСКОГО ЯЗЫКОВ.....	90
3.1. Характеристики формул речевого этикета.....	90
3.2. Изменения в русском речевом этикете в XX веке.....	91
3.3. Различия между современными русскими и персидскими этикетными формулами.....	98
3.4. Фразеологическая теория и идиоматика формул речевого этикета.....	102
3.5. Проблемы перевода этикетных формул	107
Выводы по главе 3.....	118
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	119
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	122
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ СЛОВАРЕЙ.....	135

ВВЕДЕНИЕ

Диссертационная работа посвящена исследованию ситуаций русского диалога с позиции носителя персидского языка. На основе классических теорий категории вежливости, работ по речевому этикету и межкультурной коммуникации исследуются принципы и стратегии русского этикетно-обусловленного речевого поведения в контрасте с Таарофом, персидской моделью этикетного поведения. Современная коммуникативная лингвистика уделяет особое внимание понятию и функционированию языковых единиц в процессе речевого общения, их коммуникативной функции, контрастивному изучению моделей общепринятого поведения в разных культурах.

Речевой этикет является одним из основных элементов культуры и общей системы этикета любой страны. Исследования русского речевого этикета были начаты во второй половине XX века, главным образом для нужд преподавания русского языка иностранцам. Отметим как значимые исследования по русскому речевому этикету и современной устной коммуникации В.Е. Гольдина, А.Г. Балакая, И.Т. Вепревой, Е.А. Земской, М.В. Китайгородской, В.Г. Костомарова, М.А. Кронгауза, Т.В. Лариной, Т.Г. Михальчук, Н.Н. Розановой, И.А. Стернина, Н.А. Трофимовой, М.Ю. Федосюка, Н.И. Формановской, И.А. Шаронова и некоторых других исследователей. Персидский речевой этикет представлен через особую этикетную систему «Таароф». Уровень сопоставительных исследований русского речевого этикета и Таарофа в различных коммуникативных ситуациях пока недостаточно высок. Особо отметим работу З. Ахмади [Ахмади 2014], посвященную понятию вежливости и понятию Таароф в иранской культуре, работу Т.В. Лариной Н. Камех Хош «Культурные ценности и понимание вежливости в британской, русской и персидской лингвокультурах» [Ларина, Камех Хош Неда 2021].

Актуальность темы исследования.

Актуальность темы обусловлена:

- 1) интересом современной лингвистики к описанию современной русской коммуникации и речевого этикета;

- 2) интересам к проблемам исследования межкультурной коммуникации, в частности сопоставлению этикетных ситуаций в русской и персидской коммуникативных культурах, выявлению пока слабо выявленных сходств и различий в культурах;
- 3) важностью знания культурных и коммуникативных особенностей этикетного поведения для иранских и российских студентов, изучающих русский и персидский языки как иностранные.

Объектом диссертационного исследования являются этикетные ситуации, рассматриваемые с позиции носителя персидского языка. В качестве образцов таких ситуаций выступают, с одной стороны, записи устных диалогов носителей русского языка, собранные и расшифрованные российскими лингвистами (Баринаова, Земская, Капанадзе 1978, Китайгородская, Розанова 2000, Трофимова 2008, Вепрева 2019), а с другой стороны, авторская коллекция расшифрованных записей бытовых диалогов современных носителей фарси. При анализе этикетных формул были использованы также материалы словаря речевого этикета А.Г. Балакая [Балакай 2004].

Предметом исследования являются языковые и дискурсивные особенности этикетного речевого поведения в коммуникативных ситуациях встречи, приглашения в гости, поведения в гостях, комплимента и ответа на него, отраженные в способах поведения и в стереотипных этикетных формулах в русской и персидской коммуникативных культурах.

Целью исследования является выявление социально-культурной специфики современного русского этикетного поведения в типовых ситуациях общения на фоне персидского речевого этикета.

Достижение указанной цели предполагает решение следующих **задач**:

1. Изучить современные исследования категории вежливости, российские и иранские работы по речевому этикету и речевой коммуникации.

2. Собрать из расшифрованных российскими лингвистами корпусов устной речи коллекцию этикетных диалогов приглашения в гости, поведения в гостях, комплимента и ответа на него.

3. Собрать корпус записей устных персидских диалогов в Иране, расшифровать их и выбрать из них коллекцию этикетных диалогов, аналогичную русской.

4. Проанализировать этикетные ситуации в русской и персидской языковых культурах и выявить различия между ними.

5. Собрать и сопоставить современные и устаревшие этикетные формулы двух языков как маркеров и инструментов этикетного поведения.

В качестве теоретико-методологической базы для исследования послужили работы отечественных и зарубежных учёных в области прагматики, теории вежливости и речевого этикета и социолингвистики: Н.Д. Арутюновой, А.К. Байбурина, М.М. Бахтина, В.И. Беликова, И.Т. Вепревой, Т.Г. Винокур, И. Гофмана, Е.А. Земской, Л.А. Капанадзе, В.И. Карасика, Л. Кастлер, М.В. Китайгородской, В.Г. Костомарова, М.А. Кронгауза, Л.П. Крысина, Т.В. Лариной, Дж.Н. Лича, Дж. Остина, Ю.Е. Прохорова, Н.Н. Розановой, Дж. Серля, И.А. Стернина, А.Л. Топоркова, Н.И. Формановской, М.Ю. Федосюка, Н. М. Шанского, И.А. Шаронова и др.

Материалом для исследования послужили:

- коллекция этикетных диалогов из нескольких корпусов записей устной русской разговорной речи (19 диалогов, 586 реплик).
- коллекция этикетных диалогов из собранного в Тегеране устного персидского корпуса. Всего записано 140 разговоров носителей персидского языка на улице, вечеринках, в общежитии и университете. Общее количество составляет 246 диалогов разной величины, 1752 реплики, 7560 словоупотреблений.
- коллекция устаревших формул русского речевого этикета из Словаря русского речевого этикета А.Г. Балакая.

Из использованных методов исследования отметим описательный метод и метод сопоставительного анализа, на основе которых выявлялись различия в этикетном поведении носителей русской и иранской коммуникативных культур; *дискурсивный и прагматический анализ,* на основе которого выявлялись стратегии этикетного поведения в типовых диалогических ситуациях бытового общения; *стилистика-семантический анализ,* на основе которого при рассмотрении стереотипных формул выявлялись этические категории, отраженные в этикете и др.

Гипотеза исследования заключается в том, что русское этикетное речевое поведение, при наличии общих свойств, основанных на универсальных принципах вежливости и условий гармоничного коммуникативного взаимодействия, обладает рядом специфических черт, отличающих его от иранского этикетного поведения. При этом обнаружена близость ряда устаревших характеристик патриархального русского этикетного поведения, имеющего черты сходства с традиционным и не меняющимся столетиями этикетного поведения в Иране.

Научная новизна исследования заключается в комплексном дискурсивном рассмотрении бытового этикетного поведения носителей русской и носителей персидской этикетных культур на материале ряда бытовых ситуаций. В исследовании представлена модель, отличная от традиционной модели описания формул речевого этикета, сценарное описание использования формул, реализующих в диалоге фатическую функцию. Контрастивный анализ этикетного поведения на материале двух языков высвечивает неформальность, непосредственность и эмоциональность современной русской этикетной бытовой культуры, отдаление ее от традиционных пафосных моделей, одной из которых (Таароф) продолжает придерживаться персидская культура.

Теоретическая значимость исследования заключается в развитии теории речевого этикета, прагматики, межкультурной коммуникации и социолингвистики. Данное исследование способствует углублению понимания особенностей речевого этикета в русском и персидском языках.

Практическая значимость исследования заключается в использовании его в практике академического обучения. Конкретные материалы исследования могут быть использованы в вузовских курсах по теории межкультурной коммуникации, социолингвистике и речевому этикету; в практику преподавания РКИ иранским студентам и персидского языка русским студентам. В будущем планируется составить спецкурсы для студентов, изучающих русский и персидский языки, которые будут способствовать улучшению коммуникации в иноязычном окружении.

Обоснованность и достоверность данных, полученных в результате исследования, обеспечивается опорой на классические и современные теории вежливости и речевого этикета и на анализе большого фактического материала.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Базовые принципы, описанные в классических работах по вежливости, не имеют универсального характера и могут по-разному трансформироваться в зависимости от национальной культуры, которая отражается в правилах речевого этикета каждого народа.

2. Типовые этикетные стратегии поведения в целом и в ситуациях приглашения, приветствия и комплимента в частности, образуют в русском речевом этикете особую систему смыслового и стилистического общения, отражающую национально-культурную специфику русского менталитета.

3. Русское национально-культурное своеобразие речевого этикета может быть всесторонне изучено на фоне национально-культурных этикетных традиций других стран, в частности, на фоне персидского речевого этикета.

4. Формулы русского речевого этикета описаны недостаточно полно с позиций их дискурсивного применения. Для практических нужд обучения русскому языку иностранцев полезно исследовать современный повседневный язык в разных сферах и средах общения, показав национально-культурные различия между русскими и представителями других коммуникативных культур, в частности, персидской коммуникативной культуры.

5. Патриархальное русское этикетное поведение, уходящие черты которого еще можно обнаружить в крестьянском гостеприимстве, обнаруживает некоторые сходства с персидским этикетным поведением, что также подчеркивается близостью устаревших этикетных формул русского языка с современными этикетными формулами Ирана.

Апробация исследования. Основные результаты исследования обсуждались на заседаниях кафедры русского языка Института филологии и истории Российского государственного гуманитарного университета (Москва 2021; 2022; 2023), докладывались на научных конференциях: Международном круглом столе «Технология исследовательской работы иностранного аспиранта: жанр научного доклада» в РГГУ (Москва, 2021), Международной конференции «Лингвистика и методика в преподавании русского языка иностранным студентам» в РГГУ (Москва, 2023), VII Международной студенческой научно-практической конференции «В мире русского языка и русской культуры» в институте Пушкина (Москва 2023). По теме диссертации опубликовано 3 статьи в рецензируемых периодических научных изданиях, рекомендованных ВАК РФ.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованной литературы.

Во Введении обосновывается актуальность выбранной темы диссертационной работы, формулируются цель, задачи, объект и предмет исследования, раскрываются теоретическая и практическая значимость, обоснованность и достоверность полученных выводов, называются источники использованного языкового материала, излагаются положения, выносимые на защиту, представлена структура диссертации.

Первая глава «Соотношение понятий вежливости и речевого этикета» посвящена рассмотрению существующих теорий в области гармонизации коммуникативного взаимодействия

Рассматриваются основные понятия речевой коммуникации и положения теории вежливости, речевой коммуникации, соотношения вежливости и речевого этикета. Анализируются универсальные принципы вежливости, описанные в

работах П. Браун, С. Левинсона, Дж. Лича и др. Изучается вопрос теории речевого этикета, его национальной специфики. Даются базовые характеристики современному русскому речевому этикетному поведению, а также рассматриваются основные положения Таарофа – системы этикетного поведения в персидской культуре. Демонстрируются случаи культурных несовпадений на примерах коммуникативных ошибок русских студентов в Иране и иранских студентов в России.

Во **второй главе** «Стереотипные ситуации и этикетные речевые жанры» рассматривается типовая модель коммуникации, включающая сценарии и роли коммуникантов, коммуникативные стратегии, этикетные речевые акты и речевые жанры в бытовой коммуникации. На примере ситуаций приглашения в гости, поведения в гостях, ситуаций комплимента и ответа на него дается контрастная характеристика моделей этикетного поведения в России и в Иране. Такие свойства русского коммуникативного поведения как непосредственность, искренность выражения чувств, игровые стратегии, шутливая ирония и т.д. контрастно высвечиваются на фоне церемониального и ограниченного множеством условностей персидского этикетного поведения.

В **третьей главе** «Сопоставительный анализ формул речевого этикета русского и персидского языков» рассматриваются устаревшие формулы русского речевого этикета на фоне современных персидских формул. Общим для таких формул является их идиоматический характер, культурно-специфическая информация, основанность на этических концепциях «богоприсутствия» в личной жизни, чести, служении и т. д. Дословный перевод таких формул часто оказывается невозможен, обнаружить полный аналог также бывает не всегда возможно в силу различной прагматической нагруженности этикетных формул.

В **Заключении** подводятся итоги проведенного исследования, делаются выводы, намечаются перспективы дальнейших исследований по выбранной тематике.

Приводится список литературных источников, содержащий 147 наименований, а также список использованных словарей.

ГЛАВА 1. СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ РЕЧЕВОГО ЭТИКЕТА И ВЕЖЛИВОСТИ

1.1. Основные понятия речевой коммуникации

Термин «коммуникация» происходит от латинского слова (*communico* – делаю общим). В Большом толковом словаре коммуникация определяется как «сообщение или передача средствами языка содержания высказывания» [БТС 2000: 445]. По словам Э. Чели, коммуникация является одним из важнейших аспектов социальной жизни и деятельности человека и в переносном смысле может рассматриваться как связующая нить самого общества [Cheli 2004: 38].

Коммуникация как область исследования стала по-настоящему интересовать ученых в области языковых наук только во второй половине XX-го века с появлением прагматики. Коммуникативная функция наряду с когнитивной относится к базовым функциям языка [Ярцева 2002: 564]. Разновидностью коммуникативной функции является фатическая функция языка, выполняющая социальную функцию гармонизации общения.

Стили общения — это предрасположенность к определенному способу общения, ориентация и готовность к нему, которая проявляется в том, как человек склонен подходить к большинству ситуаций. Одним из таких стилей, наиболее древним и устоявшимся, является ритуализованное общение. Цель ритуализованного общения — поддерживать контакт с обществом и укреплять образ себя как члена общества [Ларина 2013]. Для такого стиля общения необходимо иметь партнера, потому что ритуализованное общение – это, по большей части, инструмент поддержания социальных контактов. Для установления и поддержания социальных связей люди ведут беседы в этом стиле, кажущиеся со стороны бессмысленными, поскольку они совершенно неинформативны и расфокусированы.

Церемониальная речь является одним из инструментов вербального проявления принятых в обществе норм поведения. Церемониал — необходимый и очень важный элемент в процессе функционирования

государства и общества. Истоки церемониала кроются в религиозных обрядах, церемониалу свойственна упорядоченность, строгость, торжественность действий. Другие ситуации, которые предполагают акты ритуалов, трактуются зачастую также и иными словами – обряд, ритуал, традиция, правила и пр. Все свойства данных актов, которые являются структурными являются схожими. Это упорядоченность, строгость, торжественность происходящих действий. Участники ритуала подвергаются строгим ограничениям свободы действий. Каждому отведена определенная роль, выше которой выходить запрещено. Ожидается, что участники серьезно отнесутся к происходящему; отвлекающие факторы, болтовня, смех неприемлемы или нежелательны.

Элементы ритуального общения присутствуют в бытовом общении современных национальных культур в очень разной степени, входя в этикет в целом и в речевой этикет в частности. Эти элементы сливаются с прочими элементами выражения уважительности к другому лицу и совместно они выполняют в коммуникации фатическую функцию.

Фатическая коммуникация противопоставляется информативной. В существующих исследованиях фатическая коммуникация описывается как способ открытия информационного канала, содержательного разговора между собеседниками. В обществе не принято начинать и заканчивать разговоры фактами. Однако этим фатическая функция не ограничивается. в ее задачу входит также установление и поддержка отношений между собеседниками: друзьями, коллегами по работе и новыми знакомыми. С помощью фатической функции устанавливается социальная и ситуативная иерархия собеседников.

Термин «фатическое общение» был введен британским антропологом Б. Малиновским в его эссе «Проблема значения в примитивных языках» [Малиновский 2005]. Фатическим общением Б. Малиновский называет такую разновидность речи, которая создает дружеские, приятельские отношения между коммуникантами. При таком общении не происходит обмена когнитивной информацией, слова используются не для передачи значения, а для выполнения социальных функций. Это непосредственный разговор

исключительно для удовлетворения от совместной беседы, использование речи как таковой для установления социальной связи между говорящим и тем, к кому обращаются. В фатическом общении передаются знания об эмоциональном, оценочном отношении к предмету речи и адресату, о характере взаимных отношений коммуникантов, их желаниях, предпочтениях и т.д. Таков бытовой разговор, беседа с подругой и т.д.

По мнению Т.Г. Винокур, общая ситуативно-целевая задача фатического речевого поведения – говорить, чтобы высказаться и встретить понимание. Автор отмечает различия в фатическом общении в зависимости от отношений между собеседниками по степени знакомства и близости. Так, незнакомые могут поставить перед собой задачу познакомиться, провести время в приятных разговорах в очереди, на поезде, в самолете и т. д. Малознакомые люди через фатическое общение могут укреплять знакомство. А хорошо знакомые люди в процессе фатического общения стремятся поддерживать сложившиеся отношения [Винокур 1993:139].

Коммуникация обычно включает и фатический, и информационный компоненты, тема которого обычно определяется конситуативным аспектом. Фатика, по мнению Т.Г. Винокур, обладает следующим набором признаков, выявляемых в процессе коммуникации: 1) эмоциональная коннотация, 2) повторяемость содержательных участков (вербальных структур), 3) резкий тематический переход. При этом роль тематического фактора автор считает второстепенной, мотивируя это тем, что любая тема может опосредованно выразить взаимодействие (интенцию и реакцию) собеседников.

Наиболее распространенным диалогическим жанром, реализующимся в сфере фатического общения, является беседа, как правило, связанная с актуальной ситуацией. Человек, находящийся, например, в транспорте, может вступить в общение с сидящим рядом незнакомцем вследствие какого-либо небольшого актуального события (необычный вид за окном автобуса, резкое торможение транспортного средства, сквозняк из-за того, что окно раскрыто и т.п.). Дальнейшее развитие темы может идти по принципу ассоциативного

зацепления. Тип коммуникативной ситуации определяет как выбор жанровой формы, так и закономерности сосуществования разных жанров в речевом пространстве [Китайгородская, Розанова 2010: 250-252, Занадворова 2003].

Как уже было отмечено, фатика встраивается в речевой этикет [Формановская 2005: 14]. В своих исследованиях Н. И. Формановская определяет основные специальные функции речевого этикета: контактоустанавливающая; функция ориентации на адресата; регулирующая (отдельно здесь выделяется подфункция волеизъявления – от «я» и воздействия – к «ты»); эмоционально-модальная функция [Формановская 2008: 13-15]. Автор отмечает, что при рассмотрении функций речевого этикета важно разобраться в том, какое место речевой этикет занимает в общении, какую роль он играет в речевом общении и как он включается в общий контекст коммуникации общающихся. В связи с этим в поле зрения многих исследователей попадают так называемые устойчивые формулы речевого общения в различных ситуациях, таких как: прощание, приветствие, извинение, обращение, просьба и другие [Формановская 2008: 24-27].

Выбор той или иной формулы речевого этикета обуславливается, в зависимости от конкретной речи этикетной ситуации, достаточно широким спектром нейтральных, стилистически сниженных или возвышенных этикетных формул [Формановская 2008: 74]. Для каждой этикетной ситуации в языке существует тематическая группа функциональных единиц, и та или иная единица используется в зависимости от:

- возраста, пола, положения и роли адресата в ситуации;
- присущих говорящему психологических и интеллектуальных особенностей;
- статуса, обуславливающего официальное или неофициальное общение; от степени важности события [Ахмади 2022].

Все перечисленные факторы универсальны и активно влияют на неречевое и речевое поведение коммуникантов и выбор языковых средств при речевом взаимодействии. Однако в различных культурах данные принципы

имеют свою национальную специфику. В частности, можно говорить о разной степени обязательности того или иного принципа вежливости и степени церемонности коммуникации.

Этикетное взаимодействие реализуется в речевом и неречевом этикете и представлено в конкретных коммуникативных ситуациях – в ситуациях встречи, прощания, просьбы, приглашения и т. д. Каждая такая ситуация отражается на социально-ролевой структуре коммуникантов. Социально-ролевая структура учитывает пол, возраст и социальную иерархию собеседников. Особую роль играют формулы речевого этикета. Они имеют разную степень десемантизации и важны как прагматические маркеры, как фиксированные элементы речевого взаимодействия.

Таким образом, могут быть обозначены несколько ситуаций, которые образуют акты речевого общения. Например, акт речевого общения «незапланированная встреча» может состояться между двумя знакомыми, либо соседями. В условиях данной ситуации коммуникативное взаимодействие зачастую ограничивается простыми репликами «приветствие-прощание», например,

- *Здравствуйте.*

- *О, здравствуйте, как неожиданно Вас тут встретить.*

- *Взаимно. Извините, я тороплюсь, давайте увидимся позже? Всего хорошего*

- *До свидания.*

Н.И. Формановская в книге «Речевой этикет в русском общении» рассматривает устойчивые стереотипные выражения в ситуациях установления и поддержания коммуникативного контакта собеседников. В жизни социума, в бытовом и деловом обиходе важное место занимает культура поведения и общения. Речевой этикет – это прежде всего этикет, т.е. правила поведения при обхождении людей друг с другом, воплощенные в речи. Общение дано человеку изначально как социальному существу [Формановская 2009: 11]. В современной русистике в последние годы лингвистические средства

фатического общения стали активно описываться как в диахронии, так и в синхронии. Особое внимание обращается на вокативы, коммуникативные частицы, местоимения вежливости, формулы речевого этикета (Кронгауз 2023, Шаронов 2023 и др.).

Речевой этикет отражает отработанные веками модели гармоничного взаимодействия в процессе коммуникации между членами социальных групп. Эти модели основаны на принципах вежливости, активное изучение которых в лингвистике началось в последней четверти XX века.

1.2. Универсальные принципы вежливости в теориях П. Браун С. Левинсона, Дж. Лича и др.

Классические теории вежливости были построены в конце XX века в рамках изучения устной коммуникации и разработки теории прагматики речевого взаимодействия. П. Браун и С. Левинсон [Brown, Levinson 1987: 345] разрабатывали теорию вежливости в попытке определить универсальные социальные принципы в коммуникации и их влияние на изменение грамматики. В своем описании языкового поведения носителей языка они опирались на понятия «лица» и «рациональности», утверждая универсальность этих двух понятий. Авторы предположили, что их теория объясняет культурные сходства и различия при гармоничной коммуникации в разных языковых культурах. Они основали свою модель на анализе свободно говорящего на естественном языке «модельного человека», который наделен рациональностью и «лицом» в его положительной и отрицательной ипостаси [Brown, Levinson 1987: 67-80].

Понятие «лицо», концептуализированное как позитивное утверждение индивидом социальных ценностей в процессе общения, было введено в академические круги И. Гофманом через его теории «лица» и «фейворкинга» [Goffman 2005: 270]. П. Браун и С. Левинсон определили «позитивное лицо» через деятельность на благо адресата, которая приводит к одобрению этой деятельности адресатом. «Негативное лицо» определяется исследователями как стремление сохранить собеседнику свободу действий, осторожность при

вторжении в его личную зону [Brown, Levinson 1987: 61-67]. В терминологии П. Браун и С. Левинсона «негативное лицо» означает личное пространство говорящего, его время, физическое тело, имущество, а также информационное пространство как совокупность чувств, мыслей, знаний, которыми обладает индивид. «Негативное лицо» определяется стремлением не быть навязчивым, «позитивное лицо» определяется желанием нравиться, восхищаться, одобрять и относиться к нему позитивно. Таким образом, если «позитивное лицо» предполагает стремление к общению с другими, то учет «негативного лица» предполагает автономию и независимость собеседника. Оба аспекта «лица» объявляются основными потребностями в любом социальном взаимодействии; во время любого социального взаимодействия между участниками необходимо вежливое, то есть доброжелательное и ненавязчивое сотрудничество, чтобы сохранять «лицо» друг друга.

Авторы проверили свою теорию на материале речевых актов, выделив те речевые акты, которые могут представлять угрозу для «лица», и определили такие акты как ликоугрожающие (*face-threatening acts*). В обычных ситуациях участники взаимодействия используют различные стратегии, чтобы избежать негативного эффекта от угрожающего действия. Такие стратегии, по предположению П. Браун и С. Левинсона, мотивируются рядом социокультурных факторов, используемых в конкретных ситуациях во всех языковых культурах.

Теория П. Браун и С. Левинсона получила широкую известность и – была подвергнута критическому анализу с позиций межкультурной коммуникации и дискурсивного анализа. Исследователи отмечают, что в той или иной культуре существует возможность доминирования «негативной вежливости» над «позитивной» и наоборот. Например, негативная вежливость доминирует в Великобритании, но, например, в Австралии в большей степени предпочитают позитивную вежливость. Японская система «почета» имеет несколько иные основания [Левина 2021]. Многие исследователи оценивают теорию вежливости П. Браун и С. Левинсона как западноцентричную, поскольку на

Западе высоко ценится индивидуализм, в то время как во многих незападных культурах групповая идентичность ценится выше индивидуальной.

В теории вежливости П. Браун и С. Левинсона слабо отмечается важность иерархических отношений между коммуникантами. Э. Джонс описал в своей работе стратегии взаимодействия с вышестоящим, которые он определил как «заискивания» [Jones 1977: 10]. Концепция «заискивания» помогла стимулировать дальнейшее углубление теории вежливости П. Браун и С. Левинсона. Японский исследователь А. Ябуучи предложил достроить модель вежливости П. Браун и С. Левинсона как трихотомическую, добавив к двум типам вежливости иерархическую вежливость. Иерархическая вежливость признает заискивание как способ общения в рамках динамики власти [Yabuuchi 2006: 323-351]. Шарифиан (2008) пишет, что понятия почтения и уважения в западных англоцентричных обществах отражают эгалитаризм, в то время как персидское эстерхам (*уважение*) отражает иерархию. Члены общества морально мотивированы платить друг другу эстерхам. Ожидается, что младшие члены будут платить его старшим членам. Дача и получение эхтерама составляет важную часть норм вежливости, а отказ оказывать уважение подвергается резкой негативной оценке.

С. Кутлаки [Koutlaki 2002] при описании выражения благодарности как стратегии отказа в персидской коммуникативной культуре утверждает, что отказ в ответ на приглашение улучшает «лицо» говорящего. Это положение противоречит утверждению П. Браун и С. Левинсона о том, что отказы угрожают «лицу» говорящего. Аналогичным образом, З. Эслами (Eslami2005) исследует показные, неискренние приглашения как еще один вариант персидской вежливости и приписывает им свойство улучшения «лица». Эти и другие авторы критикуют теорию вежливости П. Браун и С. Левинсона за индивидуализм и когнитивизм [Ide 1989; Bargiela-Chiappini 2003; Arundale 2009, 2010 и др.].

Наряду с теорией вежливости П. Браун и С. Левинсона следует остановиться также на теории, разработанной британским лингвистом

Джеффри Н. Личем [Leech 1983]. Теория вежливости Дж. Н. Лича помещает вежливость в рамки межличностной риторики. Основная цель принципа вежливости, согласно Дж. Н. Личу, заключается в установлении и поддержании вежливости внутри социальной группы. Принцип вежливости регулирует социальное равновесие и дружеские отношения, что позволяет предполагать, что высказывания коммуникантов направлены на сотрудничество. Центральная модель принципа вежливости Дж. Н. Лича — это шкала затрат и выгод вежливости, относящаяся как к говорящему, так и к слушателю. Вежливость предполагает минимизацию затрат и максимизацию выгоды для слушающего. Дж. Н. Лич упоминает семь принципов, связанных с понятием затрат и выгод: тактичность, щедрость, одобрение, скромность, стремление к согласию, сочувствие и внимание. Тактичность заключается в минимизации затрат и максимизации выгоды для слушателя. Принцип щедрости предлагает минимизировать собственную выгоду, максимизируя при этом выгоду слушателя. Одобрение предполагает сведение к минимуму недовольства и максимальное одобрение слушателя. Скромность сводит к минимуму самовосхваление и увеличивает принижение собственных заслуг. Стремление к согласию заключается в сведении к минимуму разногласий с собеседником. Симпатия призывает к минимизации антипатии и усилению хорошего отношения к собеседнику. Наконец, внимание к собеседнику требует минимизации дискомфорта для слушателя, стремления к созданию максимального комфорта для слушателя [Leech1983].

В теории Дж. Н. Лича рассматриваются три шкалы деликатности, по которым должна действовать каждая из максим принципов вежливости: соотношение затрат и выгод, необязательность и косвенность.

1. Шкала затрат/выгод касается весомости, с которой говорящий должен взвесить сумму затрат для себя и сумму выгоды, которую его / ее высказывание принесет слушателю.

2. Шкала возможностей оценивает степень, в которой иллокуции, выполняемые говорящим, предоставляют адресату определенную степень выбора.

3. Шкала косвенности измеряет объем работы, выполняемой адресатом при интерпретации речевых актов, производимых говорящим [Leech1983: 123-127].

Учитывая все вышесказанное, следует обратить внимание на то, что категория вежливости и этикета занимают среди изучаемых проблем особое место при сопоставительном анализе культур. Критика универсальных принципов вежливости обусловлена также необходимостью совмещения этих теорий с дискурсивным анализом вежливой коммуникации и речевого этикета.

1.3. Речевой этикет и вежливость

Теория речевого этикета в России появилась в 60-х годах XX века в русле теории русского языка как иностранного, поскольку формулы речевого этикета играют особую роль в изучении иностранного языка. В работах Н.И. Формановской речевой этикет представляется в виде набора стереотипных формул, используемых людьми для прощания, просьбы, извинения в различных ситуациях. По мнению исследователя, эта область исследования занимает особое место на стыке лингвистики, культуры, этнографии, регионоведения, психологии и других гуманитарных наук [Формановская 1982: 29]. Речевой этикет лингвоспецифичен, без знания этикетных формул и правил их использования поддерживать общение невозможно [Арутюнова 1999: 46]. Исследователи отмечают, что в современной лингвистике эта тема очень популярна, ей посвящено немало статей и практических пособий [Козьякова 2016].

Речевой этикет – составная часть этикета, который определяется как совокупность правил поведения, касающихся отношений между людьми (манеры, формы обращения и приветствия, поведение в общественных местах и даже стиль одежды) [Клименко 2005].

Этикетные правила связаны с культурными традициями, обычаями людей, что предполагает возможность их сравнения в контрастивных исследованиях. В теории Н.И. Формановской речевой этикет реализуется в стереотипных, стандартных фразах, формулах речевого этикета, общепринятых и предписанных социумом для поддержания гармоничного коммуникативного взаимодействия [Формановская 1987: 47].

Речевой этикет можно рассматривать шире – как неотъемлемую часть культуры любой нации. Он представляет собой базовые знания людей, говорящих на определенном языке, и поэтому важно получить знания о системе национально-культурных особенностей речевого этикета, чтобы обеспечить гармоничное общение людей из разных культур на том или ином языке.

С теоретической точки зрения, содержание термина «вежливость» в современной прагматике сформировалось в рамках концепции речевого общения. Вежливость можно представить, как принцип общественного влияния, на котором основано уважение к собеседнику. Этот общий принцип выражается во всех вариантах человеческих отношений: вербальных и невербальных. По мнению И.А. Шаронова, вежливость выступает одновременно и в качестве черты поведения, и в качестве комплекса поведенческих знаний, которые необходимы для осуществления успешной и плодотворной коммуникации [Шаронов 2021]. Несмотря на объединяющие вежливость и речевой этикет аспекты, между двумя этими понятиями автор выявляет и существенные различия. И.А. Шаронов указывает на большую абстрактность понятия вежливости по сравнению с речевым этикетом, имеющем формально-поведенческий характер и связь с социальной этикой. Этикет в целом и речевой этикет в частности – это свод формальных правил, предмет воспитания и обучения поведению в обществе. О вежливости как о гармоничном развитии личности пишут книги, научные и популярные статьи, в то время как описание речевого этикета требует скорее формата справочника, практикума, словаря. Следование правилам речевого этикета в соответствии с социальными характеристиками приписывается каждому члену общества

[Клименко 2005]. Правила языкового этикета варьируются в зависимости от сферы общения, условий общения и зависят от аналогичных лингвистических факторов, например, от ситуационных ролей и личных отношений между участниками общения. Степень детерминированности речевого поведения, говорящего зависит от того или иного речевого акта, производимого говорящим в определенной ситуации.

Рассматривая этикет как социальную норму, необходимо обозначить некоторые функции, которые ему присущи. В частности, этикет необходим для стабилизации любой национальной культуры. Правила этикета обязательны для реализации гармоничной коммуникации и в этом смысле лишены оценочности: люди должны «на автомате» воспроизводить конвенциональные этикетные действия – неречевые и речевые. Этикет сохраняет в себе элементы национальной культуры и передается из поколения в поколение духовные, нравственные и религиозные ценности конкретного народа. Важным и слабо исследованным компонентом речевого этикета является национальная специфика речевого этикета и, конкретнее, вопрос о степени ритуализации речевого этикета в каждой национальной культуре.

1.4. Национальная специфика речевого этикета, исследования в области межкультурной коммуникации

О национальной специфике речевого этикета существует большая лингвистическая литература. Набирают популярность контрастивные исследования, а также исследования в области межкультурной коммуникации [Ларина 2004, 2009; Прима 2013; Мостафави 2013; Валуйцева, Хухуни 2023 и др.].

В каждой национальности наряду с речевыми жанрами существует определенная специфика общепринятого речевого поведения. Национальная специфика речевого этикета в каждой стране чрезвычайно ярка, потому что на неповторимые особенности языка здесь накладываются особенности обрядов,

привычек, всего принятого и непринятого в поведении, разрешенного и запрещенного в социальном этикете.

Правила этикета сопряжены с традициями и обычаями народа, следовательно, их анализ может быть полезным для изучения национальной специфики культуры общения. Шлифуясь в типизированных ситуациях непринужденного общения, речевой этикет выработал наборы шаблонных предложений и этикетных формул [Формановская 1987: 47].

Общение с представителями другой культуры на основе правил своего речевого этикета может привести к неудаче. Находясь в чужой стране можно неосознанно оказаться в неловкой ситуации, если не иметь представления о бытовых и коммуникативных качествах этикета этой страны.

Каждая национальная культура определяет стандарты и нормы социального поведения, речевого и неречевого, характеризующиеся поведенческими моделями, системой правил внешней культуры человека и его поведения. Рассмотрим посвященные типологии культур исследования в области межкультурной коммуникации.

Э. Холл [Hall 2000] выявил несколько параметров культурно обусловленных коммуникативных различий, на основе которых разделил культуры на высококонтекстуальные и низкоконтекстуальные. Высококонтекстуальные культуры отличаются традицией непрямого выражения мысли, возможностью неоднозначной интерпретации высказывания, речи; важностью «невербалики», то есть сопровождающей речь мимики и жестов, которые во многом управляют интерпретацией высказывания, избыточностью информации; важностью сохранения внешней, церемониальной вежливости, избеганием выражения негативного отношения к собеседнику. Правила поведения и ведения речи в высококонтекстуальных культурах устанавливаются культурными нормами, и они строго соблюдаются. Никакая бизнес-коммуникация невозможна без предварительного обмена любезностями и налаживания крепких межличностных связей [Hall 2000].

Низкоконтекстуальным культурам, по Э. Холлу, свойственны относительная прямота при выражении мысли, относительно небольшая доля невербальных сигналов, дополняющих языковую информацию; негативная оценка недосказанности; относительная свобода выражения негативных эмоций. По отношению к коммуникативной культуре современной России, которую по этим признакам стоит отнести к низкоконтекстуальной, многие восточные культуры, включая персидскую, относятся к высококонтекстуальным культурам.

Известно, что некоторые коммуникативные неудачи при межкультурном общении могут восприниматься более болезненно, чем языковые ошибки. Исследователи, которые занимаются межкультурным диалогом, изучают способы ухода от межкультурных столкновений путем переключения с одного культурного кода на другой, через умение декодировать информацию с помощью символических знаков различающихся культур. Н.Г. Брагина вводит понятие «человека удивляющегося» как объекта для исследования различий в коммуникативных моделях разных языковых культур [Брагина 2013]. Автором статьи выдвигается предложение о сборе фактов, которые вызывали изумление людей, попавших в чужую культуру. Для этого можно интервьюировать побывавших в другой стране людей и использовать их дневники.

В исследовании Т. В. Лариной описывается многообразие культурной специфики в этикетных ритуалах в разных культурах [Ларина 2013]. Автор отмечает различия как в коммуникативных стратегиях, так и в степени регламентированности поведения при их выполнении. Неумение и незнание национально-культурных особенностей той или иной нации приводит к коммуникативной интерференции, к серьезным коммуникативным ошибкам и неудачам. Т. В. Ларина приводит пример выступления на научной конференции в Москве докладчика из Кореи. Закончив доклад, он стал извиняться за свой скучный язык и неинтересный доклад, что вызвало смех аудитории. Однако ничего удивительного в его поведении не было. Принижая собственные достижения, негативно характеризуя свою речь, он демонстрировал

скромность и уважение к присутствующим, что полностью соответствовало корейской системе вежливости, где говорящий, принижая себя и собственные заслуги, возвышает собеседника и тем самым проявляет к нему вежливость. Эта фраза демонстрировала некоторый своеобразный «словесный поклон» по отношению к аудитории. Говорящий действовал согласно своему представлению о поведении в условиях коммуникации в рамках определенной ситуации, исходя из своих моделей общения (коммуникативных установок) [Ларина 2009: 128].

Для выявления этикетных поведенческих и речевых различий между русскими и иранцами нами был проведен опрос 10 студентов и выпускников иранских университетов, изучавших русский язык и активно общавшихся с представителями русской культуры. Мы попросили их рассказать о отмеченных ими различиях по их личному опыту общения с русскими людьми в России и в Иране. Дадим краткий перевод наиболее ярких случаев коммуникативных неудач, отмеченных респондентами. По просьбе респондентов мы указываем только их имена.

Первые 5 случаев касаются культурных различий между двумя формами этикетного общения, другие примеры касаются суеверных представлений русских, которые отсутствуют в персидской культуре.

1) Марьям (возраст 34 года), будучи на стажировке в МГУ, участвовала в спортивных соревнованиях и заняла первое место. Деканом был мужчина. Он вручил ей награду и хотел пожать ей руку, но она отказалась от рукопожатия, так как в Иране не принято, чтобы мужчины пожимали руку женщинам. Однако, с другой стороны, ей стало стыдно, что она поставила декана в неловкое положение и, придя в общежитие, она написала декану письмо и извинилась перед ним. Интересно, что одна из студенток, участвующих в разговоре, сказала, что если бы она была на её месте, то обязательно пожала бы декану руку, потому что таким образом Марьям проявила неуважение к руководителю факультета перед другими студентами.

2) Сепехр (30 лет) отметил несколько этикетных поведенческих отличий в русской и иранской культуре. Например, иранцы улыбаются на улице или в метро, даже если они никого не знают. В России на них смотрят с недоумением и думают, что иранцы либо сумасшедшие, либо смеются над ними. Может, поэтому иранцы считают, что русские такие серьезные и жестокие. Русские не подпускают к детям незнакомца в парке или на улице. В Иране, если вы видите маленького ребенка в парке или на улице, даже рядом с его матерью, вы можете приласкать или поцеловать ребенка без разрешения семьи. В отличие от русских, родственники и знакомые в Иране позволяют себе задать любой вопрос девушке, например, почему она не спешит выходить замуж, почему не рождает ребенка, как бы не опоздать.

3) Мохаммад (29 лет) рассказал историю о своем русском друге. Они сели с ним в такси и спросили цену за проезд. Водитель сказал им *اقابلی نداره* (Ничего не нужно!, Не за что!). Однако, когда они приехали, Мохаммад заплатил за проезд. Они вышли из такси и русский друг, который немного владел персидским языком, спросил: «Почему ты заплатил за проезд? Ведь водитель сказал, что это бесплатно». Мохаммад объяснил ему, что в Иране это проявление Таарофа, а на самом деле покупатель или клиент должны были заплатить.

4) Многие участники опроса отмечали, что в России при встрече обмениваются очень короткими, с точки зрения иранцев, приветствиями. В Иране этикетный обмен приветствиями более длительный. При приветственном общении используют несколько предложений о собеседнике, спрашивают о членах его семьи и т. д. На самом деле, ответ, который вы даете на такие вопросы, для них не очень важен, это просто проявление вежливости.

5) Фатэмэ (30 лет) рассказала, что уже несколько лет изучала русский язык, когда познакомилась с одним русским инженером. Она поздравила его за день до дня рождения, так как в Иране поздравлять заранее считается нормальным. Но её русский друг сказал, что так поздравлять в России не принято. Она извинилась и на день рождения подарила ему две желтые розы.

Тут он совсем рассердился и закричал: «Два цветка? Почему четное количество цветов? А почему желтые? Ты пришла на мою могилу?». Только тогда она узнала, что четность-нечетность цветов имеет для русской коммуникативной культуры особое значение. Инженер также рассказал ей, что в России не принято покупать подарки для ребенка, который ещё не родился, чтобы не искушать судьбу. Также для ещё не родившегося ребенка не принято покупать вещи. А если дарят кому-то кошелек, принято класть в него деньги.

6) Реза (50 лет), Насим (26 лет) и Сетарех (30 лет) с удивлением отметили, что в обычаях русского народа нельзя здороваться через порог и передавать через порог вещи.

7) Шукух (38 лет) рассказала о её русских друзьях, как-то приехавших в Иран. Они заметили, что Шукух часто указывает на что-то или на кого-то указательным пальцем. Русские друзья сказали ей, что так делать в России считается неприличным.

Рассмотрение характеристик русского этикетного поведения на фоне персидских правил этикетного поведения ярче высвечивает их особенности и неуниверсальность.

1.5. Характеристика этикетного поведения в современной русской культуре

Русское этикетное поведение претерпело в процессе исторического развития общества несколько серьезных трансформаций.

Этикет до XVII века носил патриархальный характер с жесткими предписаниями, частично отраженными в «Домострое». В частности, находясь в гостях, садиться за столом ближе или дальше от хозяина полагалось «по чину». Строго запрещалось начинать есть без приглашения и хулить угощение и т. д. Патриархальный этикет характеризовался большой степенью социальной структурированности и ритуализованности, см. работу «Русский народ. Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия» М. Забылина [Забылин 2014].

О принудительном характере традиционного русского потчевания (приема гостей), отличного от приема гостей в Европе, см. подробно в [Байбурин, Топорков, 1990]. Распределение ролей при потчевании регламентировано: гость должен отказываться от угощения, а хозяин должен уговаривать. Описание элементов патриархального поведения в крестьянской среде отчасти сохранились в художественной литературе XIX – первой половины XX века (см.: об этом подробнее в: Шаронов 2003) Пример патриархального поведения гостя представлен в эпизоде романа В. Катаева «Сын полка»:

Воспитанный в степенной крестьянской семье, Ваня Солнцев прекрасно знал, что он ест крайне неприлично. Приличие требовало, чтобы он ел не спеша, изредка вытирая ложку хлебом, и не слишком сопел и чавкал. Приличие требовало также, чтобы он время от времени отодвигал от себя котелок и говорил: «Много благодарен за хлеб, за соль. Сыт, хватит», — и не приступал к продолжению еды раньше, чем его трижды не попросят: «Милости просим, кушайте ещё». Всё это Ваня понимал, но ничего не мог с собой поделатъ. Голод был сильнее всех правил, всех приличий [В.П. Катаев, Сын полка].

Реликты патриархального церемониального поведения хозяев и гостей описываются в некоторых современных фольклорных исследованиях (см. об этом 2 главу диссертации). В целом же можно утверждать, что крестьянская этикетная модель коммуникации в России, сохранявшая ритуализованные формы встреч и прощаний, проводов, приема гостей, сватовства, похорон практически изжила себя в связи с резкой урбанизацией в середине XX века.

Петровские реформы XVIII века принесли в высшие круги общества (прежде всего в Петербурге) европейский этикет, отраженный в пособии по этикету «Юности честное зерцало». Аристократический, а потом уже общегородской этикет привнес русскому обществу новые понятия и традиции, привнес в этикет понятие социальной автономности личности, чести и достоинства человека, охраняемого законом.

Октябрьская революция, дальнейшие демократические процессы и ускоренная урбанизация разрушили социальные перегородки российского общества и многие компоненты ритуализованного общения, что привело к новой трансформации коммуникативного взаимодействия, новым отношениям между членами социума. Разрушение СССР в 1991 году также не могло не повлиять на коммуникативное взаимодействие членов российского общества. Каждый поворот истории отражался в стиле отношений и в формулах речевого поведения.

Для российского коммуникативного сознания категория «общение» является приоритетной. Эта коммуникативная категория занимает важное место в российской концептуальной сфере. Общение считается приоритетной формой проведения времени в обществе, основным средством формирования хороших отношений между людьми, важнейшим аспектом гостеприимства. Согласно И.Т. Вепревой, в рамках русской речевой культуры действует установка: «необходимо видеться, встречаться, поддерживать общение/общаться» [Вепрева 2019]. Данная установка накладывается на непосредственный и эмоциональный характер русской коммуникативной культуры, доминанты позитивной вежливости, легкости вторжения в личную зону собеседника. Знакомые люди должны регулярно общаться; неформальное общение «без галстуков» высоко ценится - оно считается самым искренним и эффективным.

Обстоятельное описание свойств современного русского коммуникативного поведения дается в работе Ю.Е. Прохорова и И.А. Стернина [Прохоров, Стернин 2006], выявляются наиболее яркие (доминантные – в терминологии авторов) черты современного русского общения, в наибольшей степени характеризующие национально-культурную специфику русского менталитета. По мнению авторов, основными признаками современной русской коммуникации являются стремление к неформальному общению, искренность, откровенность в общении, доброжелательность. Отношение к светскому, формальному общению, по мнению авторов, для российского

культурного сообщества скорее негативное, содержит некоторый холодноватый оттенок. «Светское» осмысляется как неискреннее, официальное или надуманное. Современные русские часто не скрывают своего настроения, на их лице отражается то, что они чувствуют в данный момент. Доброжелательность в русском приветствии Ю.Е. Прохоров и И.А. Стернин определяют, как сдержанную. Требования речевого этикета предписывают при приветствии лишь минимально дружелюбного выражения лица; важен сам факт приветствия и обмена взглядами, что также отвечает общей склонности к неформальному общению. Официальное общение считается менее искренним и эмоциональным, чем неформальное. Оно рассматривается как ритуальное, не ведущее к реальному контакту с собеседником, и поэтому оценивается негативно в коммуникативном сознании русских, как необходимая и вынужденная мера. Выражения «Я говорю с вами официально», «Будем говорить с Вами официально» указывают на холодные отношения между собеседниками [Прохоров, Стернин 2006: 103].

Авторы перечисляют также некоторые коммуникативные категории и функции, которые отсутствуют в русской коммуникативной культуре. Например, с точки зрения исследователей, в русском коммуникативном поведении отсутствует тенденция к политкорректности – стремлению всеми возможными способами смягчить определенные номинации в лингвистическом плане из-за возможного дискриминационного характера таких номинаций; отсутствует развитая гендерная специфика номинации, стремление к «языковой эмансипации»; нет ярко выраженной тенденции к так называемой демократизации общения, например, переходу многих людей на «ты» независимо от возраста и социального статуса; в российской коммуникативной практике отсутствует стремление сохранить лицо собеседника [Прохоров, Стернин 2006: 91-122].

Т.В. Ларина пишет, что россияне негативно относятся к показной вежливости и ценят более естественное и искреннее отношение [Ларина 2009]. Автор отмечает менее заметное проявление отстаивания личной зоны в

русском стиле общения по сравнению с английским языком. Для русской коммуникации более важен контакт, а не дистанция. Физическая и коммуникативная личная зона у россиян выражена не очень сильно, что проявляется как в вербальном, так и в невербальном поведении: это и прикосновения, и нечеткость тематических табу, проявляющееся в возможности задавать личные вопросы, вмешаться в чужой разговор, перебивать собеседника, давать советы незнакомым, привычка категорично отстаивать свое мнение, критиковать и т.д. В результате терпимость к такому поведению в русской культуре гораздо выше, чем, например, в британской.

Э. Робертс в своем исследовании [Roberts 1993] отмечает, что русские могут рассказать много личных и интимных подробностей из своей жизни, даже если об этом их не спрашивают. Это считается признаком доверия к другому человеку и отражает желание построить с ним дружеские отношения.

А. Вежбицкая считает эмоциональность одной из характерных особенностей русского языкового дискурса [Вежбицкая 1996].

И. А. Шаронов в своем исследовании [Шаронов 1999] отмечает, что эмоциональный и игровой характер, присущий многим языковым культурам, без которого диалог не был бы живым и экспрессивным, часто выражается в русском языке в форме препирательств, игривого подтрунивания, а иногда, особенно в мужской речи, использования грубых номинаций. Такое общение субъективно воспринимается как более приемлемое, чем формальное. Неформальные разговоры дома или на вечеринках неизменно оцениваются лучше, чем формальные разговоры в офисе или на работе. Несоответствие принципам вежливости в русской коммуникации автор отмечает, в частности, в типовых реакциях на некоторые важные сообщения, затрагивающие интересы слушающего. Такие сообщения могут вызывать недоверие, и вежливая стратегия заключается в том, чтобы уточнять информацию и искать подтверждения. Открытое сомнение по отношению к утверждению собеседника, обвинение его во лжи или в наивном преувеличении считается грубым нарушением принципов вежливости. Однако в неформальной

повседневной коммуникации подобные стратегии поведения встречаются нередко и могут не приводить к конфликтным ситуациям. В статье [Шаронов 1999] рассматриваются две такие внешне грубые стратегии.

1. Необидное обвинение во лжи как формы проявления недоверия/удивления при получении неожиданной для слушателя информации, особенно если она приятна для слушателя. Приведем для иллюстрации несколько примеров из устного подкорпуса НКРЯ.

(Нонна): Мне и так плохо! Где ты? – Я иду по коридору! – По какому коридору? – Да по вашему коридору/ Нонн! – Да по вашему коридору/ Нонн! - По какому/ по нашему? Да что ж ты за человек-то такой! Что ж ты мне врешь-то всё время/ господи? – А ты обернись аккуратненько/ тока не пугайся. Я ж говорил/ не пугайся. (Нонна (видит его и улыбается) Ты покушал? (Д. Дьяченко, Л. Барац, Р. Хаит, С. Петрейков. День радио, к/ф);

Так чего видел-то? - Деда твоего видел. Митрофана Романыча Сквородникова. – Врешь. – Как живой. И весь в белом. Встречает меня и говорит/ «Стёпка-то мой паскудник небось/ а?» (М. Калатозишвили, Петр Луцик, Алексей Саморядов. Дикое поле, к/ф).

И.А. Шаронов в [Шаронов 1999] утверждает, что проявление внешней грубости по отношению к собеседнику в таких ситуациях связана с неконтролируемым эмоциональным состоянием говорящего и прощительна в неформальной русской коммуникации. Собеседник своим сообщением как бы «выбивает говорящего из седла», и удовольствие от произведенного эффекта нивелирует потенциальную обиду.

2. Грубоватое указание собеседнику на его наивное преувеличение опасности чего-л. в качестве успокоительной стратегии. Для этого могут быть использованы короткие ответные реплики (коммуникативы): *А/ Да ну, ерунда; чепуха!; вздор!, глупости!; что за чушь!* и др. [Шаронов 1999]. Ср.:

А я думала, женщины там совсем бесправные, ходят в чадре с утра до вечера... — Ченуха! В Дагестане женщины никогда не ходили в чадре. (В. Михальский. Одинокому везде пустыня);

*Он знает, что ты еще не реабилитирован? – Именно это я у него и спросил. – И что же? – Засмеялся и ответил вот как я сейчас: - **Вздор.** (В. Каверин, Двойной портрет);*

*По-моему, он от нас ушел. – **Глупости**, - говорю я. - Он от меня никуда не денется. (В. Токарева, Самый счастливый день).*

Некоторые элементы в русском коммуникативном поведении, по мнению Ю.Е. Прохорова и И.А. Стернина, могут вызывать коммуникативный шок у иностранцев в зависимости от типа их культуры:

«Зачем они ... (заставляют гостей говорить тосты и пить алкоголь, говорят спасибо уходя из гостей, так часто жмут руку, долго извиняются, прежде чем обратиться и т.д.);

Какая наглость (как неприятно!) ... (они очень близко подходят, они могут дотронуться до тебя в разговоре, любой может с тобой заговорить, постоянно дают тебе советы, что и как делать и т.д.);

Как они не понимают, что ... (мы не хотим слушать подробностей их жизни, мы не хотим произносить тосты и т.д.)» [Прохоров, Стернин 2006: 6-7].

Согласно исследованию Т. Е. Владимировой [Владимирова 2013], нивелирование статусных ролей, отсутствие строгой регламентации в общении и широкий диапазон выбранного тона речевого поведения (от сдержанно-холодного до эмоционально-открытого и сердечного) неприемлемы для представителей исламских и общинно-племенных ценностей. Представителям исламской культуры совершенно непонятно и чуждо то, как русские могут использовать самые различные обращения к одному и тому же человеку:

Иван Сергеевич; Иван; Ванюша; Ванечка; Ванек; Ивашка; Вы; ты; Иванушка; Ивашечка и пр.

Таким образом, мы можем говорить об особой форме приемлемого с точки зрения вежливости коммуникативного общения в русской культуре, базирующейся на неформальном характере и эмоциональной непосредственности. Русское коммуникативное поведение допускает больше экспрессии, но это не означает, что оно грубее или менее вежливо по сравнению с другими культурами. Просто традиции вежливости в разных культурах могут различаться.

1.6. Характеристика этикетного поведения персидской культуры

Принципы вежливого поведения в Иране воплощаются в Таарофе, системе этикетного поведения в персидской культуре. Слово «Таароф» восходит к заимствованному в персидский язык арабскому «арафа» – знать, получать знания [Најіан 2007], (ср. с этимологией слова «вежливость» в русском языке, его связи со словом *ведать*, устаревшему синониму современного слова *знать*). Таароф, слово арабского происхождения, буквально означает: «знать друг друга» [Padshah 1927], а также [Nafisi 1931]. «В персидских словарях таароф» описывается несколько по-разному.

Таароф – знание друг друга; акт дарения подарка; приветствие; приглашение кого-либо на вечеринку или получение чего-либо (например, в предложении: Я много настаивал (несколько раз говорил), но он отказался пообедать) [Dai al-Islam 1985]; Таароф – акт дарения [Moshiri 1992]; Таароф в сегодняшнем употреблении – выражение почтения при встрече и после приветствия, при знакомстве, дарении подарков. В качестве примера Таарофа часто указывается на отказ от приглашения или предложение из-за смущения, отказ от угощения, приглашение собеседнику сесть, пройти первым и т. д. [Dekhhoda, 1963].

Таароф, как одна из отличительных черт иранской культуры, находится в центре внимания отечественных и зарубежных исследователей. Одни ученые рассматривали Таароф с исторической точки зрения, другие исследовали его с лингвистической точки зрения [Soren 2016]. Французский купец XVII века

Жан-Батист Тавернье в своих заметках об Иране упоминал Таароф. Автор использовал слово *таароф* в разных его значениях и разных ситуациях. То он использовал слово Таароф в общем значении вежливости, то называл таарофом акт приглашения, а во времена Этемад ад-Даула называл таарофами подарки.

Указывалось, что иногда финансовые таарофы в значении подарков «снизу-вверх» принимают форму подкупа. Тавернье, приехавший в Иран в XVII веке во время правления шаха Сефи, шаха Аббаса II и шаха Сулеймана Сефевидского, рассказывал о молодом человеке, который мечтал стать шерифом, но все его богатство ушло на подкупы [Tavernie 1984, 280]. О комплиментах также сообщалось как о подарке «снизу-вверх» с целью приобрести расположение вышестоящих лиц.

По мнению одних исследователей, именно арабское господство в Иране создало дух преувеличенной вежливости Таарофа в персидской культуре. Другие исследователи, такие как У. Биман, прослеживают корни Таарофа в суфийских обрядах и видят в них акцент на внешней форме поведения, стремление показать себя хорошим человеком [Veeman 2002: 378]. В некоторых исследованиях Таароф в целом рассматривался как результат литературной традиции, что особенно заметно в текстах иранских хвалебных речей [Izadi 2018: 70].

Таароф, как система этикетных правил, стратегий и этикетных форм, в основном является результатом жизни иранцев в тени имперских и авторитарных режимов на протяжении нескольких тысячелетий; люди в такого рода закрытых государственных системах не могли свободно выражать свое мнение и должны были всегда приспосабливать свои слова и дела к желаниям власть имущих.

Широкий спектр значений слова *таароф* в персидском языке указывает на необычайную сложность его использования. Необходимо различать Таароф как проявление общепринятой вежливости в общении и *таарофы* как особые реплики диалогической речи, основанные на некоторых тактиках вежливости.

У. Биман пишет, что языковые средства, используемые в Таарофе, должны иметь как минимум три характеристики:

1. Они должны содержать элементы, повышающие статус других.
2. Они должны содержать элементы для понижения статуса говорящего.
3. Они должны иметь изменчивую структуру, позволяющую одновременное использование двух вышеуказанных категорий элементов для всех сторон, участвующих во взаимодействии, без какого-либо логического противоречия [Веeman 2002: 378].

Другими словами, умаление себя и возвышение собеседника, высокопарные формы учтивости, практика отказов и настаиваний при этикетном приглашении, мнимое преуменьшение роли денег в ряде ситуаций (при оплате такси, при оплате покупок в магазине и т. п.) – это важные элементы Таарофа, отражающие важность социальной стратификации в персидской культуре.

Собеседники, участвующие во взаимодействии, должны уметь применять друг к другу процедуры Таарофа. А. Изади пишет, что во взаимодействии приглашения-отказа, если два участника интерактивно достигают Таарофа (например, показные приглашения и отказы), они достигают большего сближения и меньшего отдаления. Однако степень сближения становится еще выше (а отдаления – ниже), если два участника интеракции достигают подлинных актов приглашения-отказа. Хотя Таароф является попыткой создать сближение, он не позволяет людям создать ту связь, которая возникла бы в случае подлинного приглашения; то есть сближение достигается на фоне возможности отдаления. Поэтому в достижении Таарофа всегда присутствует напряжение между сближением и отдалением, в той или иной степени. Однако степень сближения и отдаления, достигаемая в ходе локального взаимодействия, зависит от участников и создаваемого ими контекста. Например, если человек ожидает, что его бывший друг будет обращаться с ним интимно, но получает знаки почтения, он может обнаружить,

что поведение друга противоречит его устоявшейся роли, поскольку он ожидал неформального поведения. Аналогичным образом, если использование знаков уважения не соответствует более широкой общественной морали или если они используются в иронических или даже саркастических обстоятельствах, существует риск создания более высокой степени отдаления [Izadi 2015].

Например, формула ритуала «Окажите нам честь быть готовым к вашим услугам» часто используется в чисто формальных, неискренних приглашениях. На него, как правило, отвечают пафосными словами, такими как *qorbunetun beram* (позвольте мне пожертвовать что-либо для вас), *xedmatazmast* (примите услугу от нас) и т.д. Адресат словесно возвышается говорящим до возможности повелевать, а говорящий опускает себя до слуги. Такие акты приглашения-отказа, наряду с приятными почестями, связанными с ними, являются частью всепроникающего ритуала, известного как Таароф [Eslami 2005; Koutlaki 2002; Veeman 1976].

Ритуал приглашения, одаривания и отказ от них собеседника являются частью церемониального поведения в Таарофе, отражают представления о моральном облике члена персидского общества, поощряют и подчеркивают внимание к чувствам, желаниям и потребностям других людей и ритуально ставят чувства, желания и потребности других людей выше своих собственных. С. Кутлаки концентрирует свое внимание на предложениях и выражениях благодарности (как стратегии отказа) и показывает (среди прочего) примеры нежелания иранцев с готовностью принимать деньги в деловых операциях и в ситуациях, когда возвращается долг. Практика Таарофа в этих ситуациях отражается как в языковой, так и в жестовой реализации отказа от принятия денег. Выражение *'qabele shoma ronadareh* «это ничего не стоит для Вас» обычно указывает на преуменьшение ценности денег по отношению к более высокой ценности адресата (в знак проявления к нему *этерхам*), чтобы показать, что он не озабочен деньгами [Koutlaki 2002: 1741]. Это выражение также часто используется в ответах на комплименты, сделанные в адрес имущества человека, когда получатели комплиментов амбивалентно

принижают свое собственное имущество, отрицая его ценность и возвышая комплиментщика до того, что он стоит больше, чем его имущество, чтобы показать свое *shekastenafsi* (букв. сломить себя: смирение) как знак *этерхам*. Поэтому типичным ответом на комплимент «какие красивые часы» может быть «твои глаза видят их красивыми, они недостойны тебя» [Sharifian 2008]. Разумеется, это почетное обращение является Таарофом и не должно восприниматься буквально. Когда кто-то принимает гостя у себя дома, он призывает гостя не делать Таароф (т.е. чувствовать себя как дома), а гость заверяет хозяина, что не делает Таароф, но оба знают, что определенная степень Таарофа необходима. Иранцы иногда извиняются за «несоблюдение Таарофа» или «речь без Таарофа» в ситуациях, когда они предвидят, что их слова могут оказать нежелательное воздействие на адресата.

С. Кутлаки утверждает, что с понятием Таарофа связаны два амбивалентных восприятия: с одной стороны, оно воспринимается положительно как знак «доброй воли», «вежливости» и «хороших манер». С другой стороны, оно ассоциируется с «плутовством, лестью» и чрезмерными формальностями. Неискренность, присущая многим проявлениям Таарофа, приводит к его негативному восприятию и делает его предметом оспаривания и самокритики [Veeman 1976]. Однако Таароф не всегда совершается неискренне [Eslami 2005; Sharifian 2011], и границу между искренностью и неискренностью трудно определить [Eslami 2005]. Участники взаимодействия должны сами определить искренность или неискренность поступка и отреагировать соответствующим образом. Критика прошлых исследований Таарофа заключается в том, что они находятся под сильным влиянием прагматики, основанной на намерениях, и вопросы искренности или неискренности возникают в связи с тем, что в человеческой коммуникации основное внимание уделяется намерениям говорящего. Хотя некоторые предыдущие исследования [Koutlaki 2002] использовали разговорные данные, их анализ не выявил, как участники интерактивно достигают Таарофа во взаимодействии. Каждый раз, когда два собеседника используют знаки

почтения для выражения почтения друг другу, они совместно создают определенную дистанцию, не посягая на территорию индивидуальности друг друга, а иногда и признавая социальный статус друг друга. С другой стороны, для членов коллективистского общества [Sharifian, 2011; Izadi 2015] создание тесной связи является необходимостью для поддержания гармоничного взаимодействия.

Одним из способов поддержания тесной связи, например, является проявление гостеприимства по отношению к другим, то есть демонстрация того, что человек всегда готов принять их как гостей, что он готов ставить их чувства, потребности и желания выше своих собственных и готов тратить на них деньги, время и энергию. Однако философия «ставить других на первое место» не всегда практически осуществима, поскольку у людей есть свои собственные чувства, потребности и желания, которые могут противоречить другим. Как следствие, они могут делать приглашения просто для видимости, выражения почтения. Приглашение, таким образом, может оставаться лишь поверхностным, неискренним. С точки зрения человека, не знакомого с персидской культурой, «Таарофная» коммуникация может показаться «вербальным танцем» [Veeman 2002], построенным по определенным принципам и наполненным стереотипными этикетными формулами [Kadar 2013]. В этом смысле Таароф — это своего рода художественное, детализированное, а иногда и поэтическое использование языка, которое следует исследовать с прагматической точки зрения.

Важное свойство Таарофа – его церемониальный характер. Церемониал – необходимый и очень важный элемент в процессе функционирования государства и общества. Истоки церемониала кроются в религиозных обрядах, церемониалу свойственна упорядоченность, строгость, торжественность действий. Церемонность как форма бытового взаимодействия сильно сдала позиции в западных культурах, включая русскую культуру, чего нельзя сказать о Таарофе.

Черты церемониальности в современном русском бытовом поведении можно обнаружить в основном в особых торжественных случаях, таких как свадьба, новоселье, юбилей и т. д. Церемониал и его производное – прилагательное *церемониальный* ассоциируется прежде всего со значимостью, священностью государства и его институтов. Так, церемониал присяги президента, воинские церемониалы сохраняют торжественную, сложную, ритуализованную форму, они необходимы для нормального существования государственных институтов. Церемониальность в современной бытовой русской имеет очень ограниченную область применения.

В Иране правила Таароф не ограничиваются особыми ситуациями и включены во все повседневные действия. Например, при встрече двух людей церемониальная задача первого человека – пригласить его в гости, оказывать гостеприимство. У второго человека есть две задачи: суметь отказаться и при этом не обидеть; и это взаимодействие порождает особый церемониал встречи. Во всех такого рода этикетных ситуациях для каждого из собеседников есть стереотипные формулы, которые они используют, участвуя тем самым в своеобразном ритуальном «танце».

А. Изади особо отмечает, что в случае несоблюдения того или иного правила Таарофа возможна задержка в реализации делового соглашения, получении денежной суммы. Другими словами, роль межличностных отношений может иметь преимущество над коммерческими [Izadi 2018: 70].

Таароф требует от носителей персидской культуры вежливого, уважительного отношения, даже если другой человек неприятен, не вызывает симпатию в процессе коммуникации [Ахмади 2014]. Таароф также предполагает наличие скромности и чрезмерное использование речевых формул, без которых не может быть выполнено ни одно действие.

Таким образом, Таароф – очень церемониальная, ритуализованная форма этикетного поведения, часто сильно расходящаяся с реальными желаниями и

намерениями коммуникантов. В этом одна их принципиальных особенностей персидской культуры.

Выводы по главе 1

В главе вводятся основные понятия речевой коммуникации, необходимые для исследования эффективного речевого взаимодействия, анализируются универсальные принципы вежливости в теориях вежливости П. Браун, С. Левинсона, Дж. Лича и их критика в современной лингвистике. Рассматривается соотношение понятий вежливости и речевого этикета, их общие и отличительные свойства. Указывается на необходимость внимательного изучения национальной специфики речевого этикета и исследования этой проблемы в теории межкультурной коммуникации и в контрастивных исследованиях. Рассматриваются трансформации русского этикетного поведения на протяжении нескольких веков, переход от патриархального этикета и коммуникативного поведения в целом к современному коммуникативному поведению носителей русского языка. На основе существующих исследований в области русистики и межкультурной коммуникации делается вывод, что современная российская этикетная модель речевого взаимодействия характеризуется такими чертами, как неформальность, искренность, непосредственное выражение эмоций, доброжелательность, относительная легкость вторжения в личную зону собеседника.

В качестве контрастного фона базовым чертам современной русской коммуникации в главе также рассматривается национальная модель этикетного поведения персидской культуры – Таароф. Базовые черты Таарофа имеют резкие отличия от современного русского этикета. Они включают церемониальный характер, не предполагающий искреннего выражения отношения к собеседнику, ролевой характер коммуникации, предполагающий возвеличивание собеседника и умаление себя говорящим лицом, пафосные обороты речи.

Проверка выявленных характеристик современного русского коммуникативного поведения проводится в нашем исследовании во второй главе диссертации при помощи дискурсивного анализа конкретных этикетных ситуаций: 1) ситуации приглашения в гости, 2) поведения в гостях и 3) ситуаций комплиментов.

ГЛАВА 2. ЭТИКЕТНЫЕ СИТУАЦИИ ПРИГЛАШЕНИЯ, ПРИЕМА ГОСТЕЙ И КОМПЛИМЕНТОВ В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ КОММУНИКАЦИИ НА ФОНЕ ПЕРСИДСКОЙ

2.1. Стереотипный характер коммуникации: сценарии и роли

Коммуникативное поведение конкретного языкового и культурного сообщества должно быть целостно и полно описано как система. Для этого требуется модель для описания коммуникативного поведения, включающая набор факторов и параметров, отражающих коммуникативное поведение людей. Такая модель должна включать стереотипное вербальное и невербальное коммуникативное поведение, а также социальную символику. Изучение коммуникативного поведения людей является важной частью современной коммуникативной лингвистики. Исследования в области коммуникативного поведения разных народов также имеют культурную, региональную и лингводидактическую ценность.

Вопросами стереотипизации повседневного общения занимаются антропологи, социологи и лингвисты. Исследование стереотипного поведения в коммуникации долгое время было исключительно предметом антропологии [Гофман 2000, 2009; Albin 2010]. Эта научная область возникла в результате исследования американскими антропологами взаимосвязи языка и культуры. И. Гофманом исследованы правила поведения в различных коммуникативных ситуациях, стереотипные поведенческие последовательности (речевые и неречевые) как ритуалы коммуникативного взаимодействия. Такие ритуалы включают проявление почтения, словесные и жестовые формы проявления любезности, которые люди при речевом взаимодействии оказывают друг другу [Гофман, 2009]. В эссе «Face to face» [Гофман 1967] автор указывает, что многие взаимодействия в повседневной жизни являются символическими действиями, направленными на предотвращение социальных столкновений. Относясь друг к другу с уважением и достоинством, переключая внимание на другое, когда другие рискуют потерять лицо, люди фактически защищают друг

друга и сохраняют уровень социального взаимодействия, в котором они участвуют. Анализ поведения в стереотипных ситуациях повседневной жизни позволил И. Гофману на бытовом уровне продемонстрировать социальный порядок в структурированном обществе, продемонстрировать на микроуровне важность поведенческих ритуалов для социальной гармонии [Album 2010: 352–371].

В социолингвистике стереотипная коммуникативная ситуация описывается как сценарий, или фрейм [Ван Дейк 1989]. Фрейм определяет «роли» для участников и до определенной степени ролевую последовательность их действий. Перечислим некоторые коммуникативные «роли», которые человек привык исполнять в типовых коммуникативных ситуациях, вступая во взаимодействие с другим лицом: в магазине – *роль покупателя*, на работе – *роль коллеги*, на улице – *прохожего*, в школе – учителя или ученика, в университете – преподавателя, студента, в поликлинике – врача, медсестры или пациента, дома – супруга/и родителя, хозяина/-ки, на стадионе – болельщика и т. д.). Согласно работе В.И. Беликова и Л. П. Крысина [Беликов, Крысин 2001], коммуникативная ситуация описывается как структура, состоящая из нескольких компонентов, в которые входят говорящий и слушающий, иерархические отношения между ними, тональность общения, которую можно грубо поделить на официальную, нейтральную и дружескую / фамильярную и некоторые другие.

Сценарий фреймов бывает разной степени жесткости в зависимости от социальной важности той или иной степени официальности события. Наиболее регламентированы социально важные сценарии: инаугурация, судебные процедуры, свадебный обряд, крестины, похороны и т.д. Бытовые сценарии обладают меньшей жесткостью – в них возможны временные отходы от заданного сценарием порядка, однако для того, чтобы конкретное социальное взаимодействие было успешным, их основные компоненты должны быть реализованы до конца.

Этикетные сценарии вследствие своей краткости обладают относительной жесткостью. Минимальной единицей сценария этикетной ситуации является речевой акт, выражающийся в той или иной этикетной формуле, семантика которой с необходимостью включает коммуникативную интенцию, отражает социальные роли, проявляющиеся через выбор этикетной формулы из синонимического ряда. Например, здороваясь, студент преподавателю скажет: *Здравствуйте!*, а приятелю: *Привет!*, но не наоборот. Однако важно, что при встрече со знакомыми здороваться необходимо. Игнорирование данного этикетного действия означает нежелание контакта и воспринимается обычно очень негативно. К. Лоренц отмечает, что культурная ритуализация этикетной коммуникации доходит до бессознательного автоматизма и контролируется «хорошими манерами» [Лоренц 2001: 107].

Важную роль в любом сценарии и в этикетных сценариях в частности, играет понятие стратегии. Согласно работе В. И. Карасика, коммуникативная стратегия может трактоваться в качестве последовательности интенций речевых действий, которые реализуются в определенном последовательном порядке коммуникативных ходов, определяются согласно целям дискурса и реализуется в дискурсивных жанрах [Карасик 1999: 5-8].

Исходя из того, что выработка стратегии и ее адаптация осуществляются в процессе взаимодействия (до начала общения возможен лишь прогноз будущей коммуникативной ситуации), стратегия в конечном счете регулирует языковые действия, а также формирует социальную действительность в соответствии с выбором субъектов коммуникации. Ю.Б. Кузьменкова определяет коммуникативную стратегию как набор языковых средств и приемов с целью достижения цели общения [Кузьменкова 2005: 62]. Каждая из коммуникативных стратегий, по мнению исследователя, отражает определенные социокультурный подход к коммуникации.

Многими исследователями межкультурной коммуникации отмечается, что стратегии вербального выражения этикетного действия имеют национально специфичный характер. В русской культуре для *приветствия* используются

сообщения *о времени суток* и пожелание *здоровья*, а для *прощания* – пожелания добра, счастья и удачи. А в японской культуре для выражения благодарности во многих случаях используется формула извинения, и обе, как извинение, так и благодарность, служат для выражения приветствия. “Please, help yourself” используется американцами за столом, чтобы побудить гостей приступить к еде или взять еды. Примеры можно множить.

2.2. Этикетные речевые акты и речевые жанры

Этикетные действия в процессе коммуникации в классических теориях вежливости анализировались на материале речевых актов (далее РА) – интенционально заданных высказываниях говорящих. В классификации РА Дж. Остина к фатическим РА относятся «бехиативы» [Остин 1999], в классификации Дж. Серля «экспрессивы» [Серль 1986]. Большое внимание принципам вежливости уделяется также при описании побудительных РА.

Плодотворным для описания вежливых стратегий представляется также обращение к теории речевых жанров. Исследователи теории речевых жанров основываются на известной концепции М.М. Бахтина, который определял речевые жанры как «относительно устойчивые тематические, композиционные и стилистические типы высказываний» [Бахтин 1997: 255]. По мнению М.М. Бахтина, речевые жанры организуют связь текста с его личными «институтами» (производитель; человек, о котором говорится или написано; и получатель текста), а также организуют возможную тематическую связь высказывания или текста с миром [Бахтин 1997: 223]. Автор анализирует первичные (лингвистические) и вторичные (литературные) жанры как типы или разновидности текста, которые имеют в качестве типичных форм отношения участников коммуникации с другими высказываниями и их тематическую связь с общим миром.

М.Ю. Федосюк выдвигает задачу разграничения речевых жанров по их объёму, выделяя «элементарные» и «комплексные» жанры [Федосюк 1996: 108]. Речевой жанр, как вербальное оформление взаимодействия партнеров по

коммуникации, обычно представляет собой достаточно длительную интеракцию, порождающую диалогическое единство или монологическое высказывание, которое содержит несколько сверхфразовых единств. К числу таких жанров можно отнести жанры просьбы, приказа, проповеди, совета, рекомендации. Для обозначения жанровых форм, представляющих одноактные высказывания, используется термин субжанр. Субжанры — это минимальные единицы типологии речевых жанров, равные одному речевому акту [Федосюк 1996: 110].

Т. В. Шмелёва [Шмелева 1990] выделяет среди других речевых жанров этикетные жанры, то есть такие, которые осуществляют речевые действия, предусмотренные этикетом той или иной национальной культуры, например, поздравления, благодарности, извинения, соболезнования и т. д.

Теория речевых жанров имеет одним из объектов исследования русскую разговорную речь, анализ которой позволяет выявлять принципы типового коммуникативного взаимодействия современного российского общества. В 50-60-е годы XX века ученые начали активно изучать устную неподготовленную неформальную речь, и именно за ней закрепилось название «разговорная речь». Изначально существовало два центра изучения разговорной речи: Институт русского языка Академии наук в Москве (работы Е.Н. Ширяева, Л.А. Капанадзе 2005, Е.В. Красильниковой и других под руководством Е.А. Земской и М.В. Панова 1963, 1968, 1981, 1990), и Саратовский университет (работы О.Б. Сиротининой, ее коллег и студентов). Достаточно пристальное внимание русской разговорной речи уделяла Т.Г. Винокур. Она отмечала, что разговорная речь — это один из двух возможных типов проявления реального языка [Винокур 1968: 13]. Некоторые лингвисты считают разговорный язык одним из функциональных типов литературного языка, другие же склоняются к тому, что это отдельный литературный язык [Земская 1979: 13].

Исследователи записывали устную диалогическую речь носителей русского языка и расшифровывали ее с целью лингвистического и коммуникативного анализа. По мнению ряда лингвистов, существует

значительная разница между разговорной речью, отраженной в художественной литературе, и естественной разговорной речью. В частности, К. Кожевникова, сравнивая естественную (спонтанную) разговорную речь с той, что отражена в художественной литературе, приходит к выводу, что художественная литература не может в достаточной степени отражать естественную разговорную речь [Кожевникова 1971: 36]. Однако стереотипные этикетные реплики в реалистической художественной литературе передаются адекватно [см. Шаронов 2017], поскольку авторы с их помощью стремятся передавать образы персонажей максимально приближенными к реальной жизни. Поэтому в нашем исследовании материалы для анализа включают наряду с записями устной речи, собранные русистами, также этикетные микродиалоги, собранные из Национального корпуса русского языка (ruscorpora.ru).

Близкий исследованиям российских лингвистов разговорный анализ бытовой речи в США разработал Х. Сакс. Конверсационный анализ определяется как изучение разговорной речи (обычно диалога), основанное на наблюдениях и экспериментах [Sacks, Schegloff, Jefferson 1974]. Объектами исследования анализа являются вербальное и паравербальное поведение участников диалога, порядок ответов, средства преодоления трудностей коммуникативного процесса. Конверсационный анализ проводится на основе записи в аудио или видеоформате с последующей записью речи в форме подробного транскрибирования [Sacks, Schegloff, Jefferson 1974: 696-735]. Детально описываются все компоненты диалогической речи, включая указание на длительность пауз, характеристики произношения речи и т. д. [Степанов 1995].

Данный метод анализа очень интересен и перспективен, однако он направлен на решение несколько иных задач, позволяя реконструировать структуру разговора, не зависящую от непосредственного содержания диалога.

Исследование русской разговорной речи последних десятилетий XX века происходило в рамках анализа коммуникативных стратегий современного

речевого взаимодействия. Исследователи собирали, расшифровывали и анализировали типовые диалоги городской речи [Китайгородская, Розанова 2000]. Авторы указывают, что с конца XX века произошли изменения в характере городской коммуникации: усилилась диалогизация устного городского общения; возродилась карнавальная стихия в жизни города [Китайгородская, Розанова 2000]. Особое место в структуре городской коммуникации, по мнению авторов, принадлежит стереотипным ситуациям общения, которым соответствует жанр городского стереотипа. Современное российское общество переживало в конце XX и в начале XXI веков период ломки, разрушения устоявшихся стереотипов, в том числе поведенческих, ментальных. Это привело также к разрушению речевых стереотипов и возникновению новых. М. В. Китайгородская и Н. Н. Розанова публикуют записи, фиксирующие «мелкий сор повседневной жизни», например, стереотипы в ситуации покупки и др. Имеющиеся в литературе записи стереотипов и их описание отражают стереотипные речевые формулы, вписанные в контекст коммуникативного акта и отражающие определенную микроситуацию. Особо отмечается важность исследования «жизни» клишированных реплик в структуре естественного диалога. Такой подход позволил авторам выявить модели микродиалогов, изучить закономерности сцепления реплик в рамках диалогического единства.

Функционирование малых жанров городского общения связано с разными типами коммуникативных ситуаций. Одни ситуации почти не допускают отклонений от стереотипных моделей общения: ситуации в транспорте или в банке, другие характеризуются большей вариативностью. В работе указывается, что доля фатического общения в разных жанрах городской коммуникации достаточно велика, особенно при контакте с незнакомыми людьми. При описании ролевой структуры стереотипа в исследовании учитывается личностный параметр, причем не только на уровне коммуникативных (говорящий — слушающий), но и на уровне социальных

ролей. Характер исполняемых социальных ролей задает степень официальности общения.

М. В. Китайгородская и Н. Н. Розанова отмечают, что реальная языковая жизнь города демонстрирует и отступления от стереотипов речевого поведения. Более свободный способ ведения бытовых бесед предполагает важность исследования стратегий и тактик ведения разговора. При изучении фатического общения авторы выделяют такие типовые жанровые формы, как рассказ и жалоба. Безусловно, наиболее естественная сфера их реализации – это домашнее общение. В сфере городской коммуникации данные жанровые типы наиболее распространены в локусах, ориентированных на фатическое общение – кафе, ресторан, парк и т.п. [Китайгородская, Розанова 2010]

В жалобе иллокутивная цель говорящего состоит в том, чтобы вызвать сочувствие у слушающего. Реализация данного жанра обычно предполагает «открытость» личных сфер собеседников, т.е. высокую степень неофициальности коммуникации (чаще всего это общение между друзьями, родственниками и детьми), а также определенную психологическую предрасположенность собеседников к выполнению жанровых ролей. «Предметом» жалобы может быть конкретное лицо, неблагоприятные обстоятельства, существующий порядок вещей, судьба и вообще жизнь, но в любом случае в центре внимания находится сам говорящий субъект и его «проблемы». Таким образом, высказывания данного типа всегда ориентированы на адресанта сообщения, следовательно, в них на первый план выдвигается экспрессивная языковая функция. Соответственно, одним из важных текстовых свойств данного жанра является высокая концентрация различных средств выражения экспрессии [см.: Китайгородская, Розанова 2010: 246].

Поскольку в задачу данной главы входит при опоре на теорию речевых жанров описать русские стереотипные ситуации приглашения в гости при встрече, поведение в гостях и комплимент на фоне аналогичных персидских стереотипных ситуаций в бытовой коммуникации, для исследования

потребовался соответствующий языковой материал. Исследователями русской разговорной речи собраны базы данных устных диалогических текстов, из которых мы выбрали фрагменты, содержащие необходимые для исследования этикетные ситуации. Что же касается материалов на персидском языке, приходится констатировать почти полное отсутствие корпусов устной речи, поэтому мы самостоятельно собрали небольшой корпус устных диалогов, выбрали оттуда фрагменты, содержащие аналогичные этикетные ситуации и делаем выводы относительно русского речевого этикета на фоне персидской этикетной культуры.

2.3. Национальные особенности гостеприимства в русской коммуникативной культуре на фоне персидской

Общей чертой русского и персидского коммуникативного и этикетного поведения считается гостеприимство. Семья, в качестве малой общности, воспитывает в человеке гостеприимство, «обкатывая» механизмы взаимодействия в системе «своих» со «своими», а также «другими», «чужими», формирует коммуникативно-этические нормы общения [Ведрева 2019].

Как уже было сказано выше (см. Глава I, параграф 5), русскому менталитету свойственны культурные установки, к которым, в частности, относится: «необходимо видеться, встречаться, поддерживать общение / общаться» [Ведрева 2019]. Данная установка накладывается не непосредственный и эмоциональный характер русской коммуникативной культуры, доминанты позитивной вежливости, легкости вторжения в личную зону собеседника.

В этом отношении персидская коммуникативная культура сильно отличается от русской. Она сверхцеремонна, накладывает на реальные желания человека установки Таарофа, требование соответствовать той или иной этикетной роли, а также использовать высоко поэтические, пафосные обороты речевого этикета, аналоги которых в современной русской коммуникации давно устарели, и если используются, то только в целях шутки или иронии.

Жанры гостеприимства, будучи по своей прагматике позитивным этикетным поведением, являются весьма своеобразными и сложными для понимания и требуют от участников межкультурного диалога специальных лингвокультурных знаний и особых интерпретативных умений. Отказы от приглашения могут восприниматься как негативное отношение к приглашающему, и в любой культуре задача приглашенного при отказе – попытаться сохранить добрые отношения. При этом стратегии и формы приглашения и причины отказа в разных культурных традициях могут различаться.

В двух следующих параграфах будут рассмотрены типовые устные русские диалоги в ситуациях приглашения в гости и приема гостей, и по контрасту рассмотрены аналогичные диалоги в персидской культуре.

В качестве анализируемого материала для анализа русской коммуникативной культуры используются корпуса русской разговорной речи, языковой диалогический материал из исследований, собранных российскими лингвистами [Барина, Земская, Капанадзе 1978, Китайгородская, Розанова 2000, Трофимова 2008, Вепрева 2019]. Исследование персидской этикетной коммуникации проводится на материале реальных разговоров носителей персидского языка. В основу исследования положены 12 часов записей на улице, вечеринках, в общежитии и университете, собранных в 2021 году в Тегеране между мужчинами и женщинами в возрасте от 20 до 50 лет. В тексте предлагается наиболее приближенный к буквальному авторскому переводу. Всего записано 140 разговоров носителей персидского языка на улице, вечеринках, в общежитии и университете. Общее количество составляет 246 диалогов разной величины, 1752 реплики, 7560 словоупотреблений.

2.4 Этикетная ситуация «Приглашение в гости»

Приглашение в гости родственников, друзей и знакомых – особый акт доверия и проявления дружеских чувств со стороны хозяев. Известно, что в западноевропейской традиции принято встречаться в ресторане, приглашение

в гости домой – явление не частое. В этом отношении русская традиция ближе к восточной, русские чаще встречают гостей у себя дома, ведут душевные беседы за столом в гостиной или на кухне. Приглашение в гости происходит при личной встрече или по телефону. Поводом для приглашения может быть праздник, день рождения или выходной.

В персидской культуре приглашать можно просто на обед или на ужин. Даже нежданный визит соседа требует настойчивого приглашения по правилам Таарофа. Рассмотрим примеры поведения собеседников при приглашении в гости.

Диалог 1. Приглашение подруги на день рождения.

Русский женский диалог [Вепрева и др., 2019, с. 928.]:

А. Привет, Иванова! Как жизнь?

Б. Ой, Наташка, приветтики!

А. Не забыла про 22-е?

Б. А то! Конечно нет!

А. Придешь ко мне?

Б. Ну ваще-то [вообще-то] собиралась. Твой день рождения – это святое. Тем более юбилей – круглая дата.

А. Ой, душу мне не бери. Как подумаю, что полтинник стукнул, грустно становится. Давай, мы тебя [тебя] ждем. Я так особо никого не приглашала. Марина Ивановна придет и ты. Она, кстати, маму недавно похоронила.

Б. Да ты что?!!

А. Да вот. Короче, жду. Кто помнит – тот придет. Давай, как освободишься, так и приходи.

Б. Конечно приду.

Анализ диалога русских подруг демонстрирует неформальное и эмоциональное общение, активное использование уменьшительно-ласкательных форм имени и формул этикета, лишенный вежливых коннотаций вопрос о намерении прийти в гости: *Придешь ко мне?* а не: *Ты не хотела бы прийти /Я была бы рада видеть тебя* и т. п. Концовка диалога переходит в

откровенные признания, жалобы, соболезнования, типичные для общения русских женщин.

Персидский женский диалог:

Приглашение подруги на ужин

А. چطوری سلام عزیزم. Привет, дорогая. Как ты?!

Б. خودت چطوری؟ ممنون، خوبم. سلام! Привет! Спасибо, хорошо. Как сама?

А. بد موقع که مزاحم نشدم؟ ممنون. ممنون. Спасибо, тоже хорошо. Побеспокоила тебя в неудобное время?

Б. نهههههه. مراحمی. Нееет! Ты принесёшь милосердие.

А. قربونت بشم. راستش میخواستم برای شام واسه شنبه دعوتتون کنم. Пожертвую ради тебя.

Вообще-то, я хотела бы пригласить вас на ужин в субботу.

Б. تازگیا پیشتون بودیم که. Недавно мы были у вас.

А. خدای من، تازگیا؟ یه ماه گذشته. منتظرتونیم. Господи, недавно?! Уже прошел месяц! Мы ждём вас.

Б. چشم. مراحمتون میشیم. Слушаюсь. Не оставляем вас без труда.

А. اختیار داری! پس منتظرتونیم. به شوهرت سلام برسون. . Что ты! Тогда ждём вас. Передай от меня привет мужу

Б. بزرگیت رو میرسونم. تو هم سلام برسون. Передам знак твоего уважения. Ты тоже передай привет.

А. خدافظ. До свидания.

Б. خدافظ. До свидания.

Анализ персидского женского диалога демонстрирует при неформальном и эмоциональном общении активное использование подругами церемониальных формул, представлена также этикетная стратегия вежливого отказа под предлогом заботы о приглашающем и преодолевающая отказы настойчивость убеждать приглашенного.

Диалог 2

Русский диалог

Приглашение в гости по телефону между двумя хорошими подругами.

- А. Б. – подружки, женщины 30 лет. [PPP. Тесты. С. 149].
- А. Слушай, ну мы тебя ждем, ты приходи, торт куплен...
- Б. Нет Катечка, я наверно не приду. Ты не сердись...
- А. Да ну-у тебя Наташк! Перестань, ей богу.
- Б. Ну что ты! У меня тяжело заболела мама, вызвали неотложку и вообще...сичу вся расстроенная.
- А. Ну ничего. Ну вырвись на два часа, ну.
- Б. Ну Катък, ну... Ты можешь себе представить?
- А. Я знаю.
- Б. (продолжает) Как я живу, чтобы это было возможно.
- А. Я могу. Конечно.
- Б. Ну конечно. Отец только что ходил в поликлинику.
- А. (одновременно с концом реплика Б.) Ну понятно. Понятно.
- Б. Ему плохо тоже, и давление и все.

Анализ диалога демонстрирует стратегию активного уговаривания прийти в гости, однако это не ритуал, а выражение искреннего желания, приглашающего и отказ исключительно по объективным причинам. Концовка диалога переходит в жалобы и откровенные признания, которыми подружки делятся друг с другом.

Персидский диалог

- Приглашение соседки, неожиданно встреченной у дверей дома, зайти в гости.
- Хозяйка: *بفرمایید، داخل. دم در بده.* Пожалуйста, заходите. Стоять перед дверью плохо.
- Соседка: *نه، خیلی ممنون. مزاحم نمیشم. باید برم.* Нет, огромное спасибо. Не буду беспокоить вас. Должна идти.
- Хозяйка: *خواهش میکنم. مراحمید. بفرمایید.* Пожалуйста. Наоборот, Вы не беспокоите. Пожалуйста.
- Соседка: *نه، زحمت نمیدم. ممنون.* Нет, не буду вас затруднять. Спасибо.

Пример демонстрирует вежливое приглашение хозяйки зайти и аргументацию соседки при отказе. Отказ соседки имеет ритуальный характер, который сопровождается извинением и объясняется нежеланием стеснять хозяев. В рассмотренном диалоге приглашение имеет импровизационный характер, поэтому отказ принят относительно легко.

Для демонстрации более глубоких отличий персидской культуры от русской рассмотрим два диалога между мужчинами у дома одного из них. В таких случаях общение проходит еще более церемонно. По правилам Таарофа при приглашении задача хозяина – уговорить собеседника стать гостем, а задача собеседника – отказаться, но так, чтобы не обидеть приглашающего неуважением.

Рассмотрим, как решаются эти задачи и проанализируем особые этикетные формулы, которые сопровождают церемониал приглашение в гости. Эти формулы идиоматичны, их смысл в основном не выводим из лексического состава реплик.

Диалог 3. Приглашение в гости мужчины при случайной встрече.

1. محمد: بفرماید بریم منزل در خدمت باشیم. یه کلبه [درویشی داریم
2. اشکان: [لطف داری، خونه ی شما [خونه ی امید ماست.
3. محمد: بفرماید تعارف نکنید
4. اشکان: خیلی ممنونم، زنده باشید ایشالا [خدمت میرسیم
5. محمد: [خواهش میکنم]

1. Мохаммад.: Зайдем ко мне домой, буду на службе, пожалуйста. У нас есть [дервишская хижина.
2. Ашкан.: [Ты добрый, ваш дом [дом нашей надежды.
3. Мохаммад.: Пожалуйста, не делайте таарофа.
4. Ашкан.: Большое спасибо, будьте живы. Дай вам бог! Будем еще!.
5. Мохаммад.: Пожалуйста!.

Коммуникация происходит между двумя взрослыми мужчинами. Мохаммад и Ашкан — два неблизких знакомых, которые случайно встретились на улице недалеко от дома Мухамеда и следуют обычаю Таарофа при встрече.

Следуя церемониалу встречи, один из них (младший) должен пригласить другого в гости. В первой фразе есть важная этикетная формула, указывающая на готовность услужить гостю: *Буду на службе*. Важным средством Таарофа при приглашении в дом является также приуменьшение наименования дома до хижины дервишей. Фразу: *У нас есть дервишская хижина* следует трактовать как конкретное приглашение в гости, ср. устаревшее русское: *Прошу к нашему шалашу!* Реакция собеседника – комплимент приглашающему и его дому: *Ты добрый, ваш дом - наш дом надежды*) передает восприятие приглашения просто как дань вежливости и равносителен отказу. Мухаммед, понимая, что отказ может быть обусловлен нормами Таарофа, в котором однократного приглашения недостаточно, просит отбросить условности, тем самым продолжая настаивать на приглашении: *Пожалуйста, не делайте таарофа*. Ашкан снова отклоняет приглашение, используя традиционную этикетную формулу благодарности: *будьте живы* и, следуя этикету, дает обещание принять приглашение в другой раз: *Дай Бог, будем еще!* Мохаммад заканчивает церемониал ответом: *Пожалуйста*, понизив тон голоса, который означает принятие отказа и завершение разговора.

Анализ диалога демонстрирует высокую степень церемониальности в ситуации приглашения. Несоблюдение церемонии может привести к обиде и ссоре мужчин. Еще более детально степень соответствия следования ритуалу и искренности при приглашении в гости иллюстрируется на примере записанного автором статьи диалога [Izadi 2015, 381-402].

Али: befarma. Заходите!

Реза: qorboo. Пожертвую для вас.

Али: bia too. Заходите, заходите!

Реза: mersi bayad beram, kardaram. Спасибо, мне нужно идти. У меня работа.

Али: xo ha la ye deighe bia to ba'd boro. Ну, зайдите на минутку, потом идите!

Реза: (протягивая руку) qorboonet beram kari nadari? Жертвую для вас, вам не нужна моя услуга?

Али: (отказывается пожать руку) taarofmiko ni? Из вежливости отказываетесь?
Продолжаете церемониал?

Реза: na be xoda salam beresoon Нет, клянусь Богом, передайте всем мой привет!

Али: ma dar xedmatim ((протягивая руку)) Мы к вашим услугам.

Реза: чаккеретам я ваш раб (ср. устаревшее русское: *Ваш покорный слуга*)

Автор анализирует записанный диалог, в котором двое мужчин должны попрощаться друг с другом после двухчасовой прогулки возле дома Али. Али живет со своей семьей. Известно, что в иранском обществе женщины-члены семьи обычно прикрывают голову перед лицом, не являющимся членом семьи. Время прощания – уже почти полночь, определенно не подходящее время для приема гостей, особенно если это не оговорено заранее. Оба знают, что семья Али не готова принять гостя. Хотя Али и Реза – близкие друзья, Реза, войдя в дом Али, серьезно ограничит частную жизнь семьи. Женщинам скорее всего придется прятаться от глаз гостя.

Али и Реза следуют традиции Таарофа. Приглашение Али является знаком его готовности принять его в качестве гостя в любое время, то есть проявлением большой дружбы и любви к собеседнику. Это образец нормативного этикетного поведения, социально ожидаемого, но не искреннего, даже если оно делается с использованием решительных форм и напористого тона [см. об этом подробнее в Eslami 2005: 464].

На такое этикетное приглашение должен следовать этикетный отказ. Церемониальное взаимодействие вводит троекратную последовательность смежных пар «приглашение-отказ». Такая ритуализированная последовательность заложена в правилах Таарофа.

Автор статьи пишет, что Али приглашает Реза, следуя Таарофу, исходя из понимания времени приглашения и того факта, что настоящие приглашения планируются заранее. Али просто старается соблюсти моральный кодекс гостеприимства и приоритета чувств других, принципов персидской

«вежливости», используя для этого соответствующие этикетные реплики. Восприятие Реза свидетельствует о том, что он интерпретирует приглашение Али просто как Таароф, а не реальное приглашение. Он отвечает прототипическим выражением учтвого отказа: *Пожертвую ради вас!* Такой отказ показывает осознание Реза того, что он не должен воспринимать приглашение Али буквально, и должен в качестве отказа выразить ему свою благодарность за его любезное приглашение, за которым следует объяснение отказа (мне нужно идти, у меня есть дело). Настойчивость Али свидетельствует о его понимании того, что однократного приглашения недостаточно. Переход от почтительного к неформальному языку можно интерпретировать как искреннее приглашение, и, следовательно, указывает на его попытку установить более тесную связь с Реза. Он ограничивает свое приглашение, говоря: «зайди на минутку, а потом уходи», что интерпретируется как искреннее интимное приглашение. В ответ Реза повторяет свое ранее произнесенное почетное обращение: *Жертвую ради вас*, за которым следует *Вам не нужна услуга?*, которое обычно используется для обозначения церемонии прощания. Его протянутая рука также указывает на намерение Реза уйти. Настойчивость Али не заканчивается. Он формулирует вопрос, чтобы убедиться, что отказ Реза подлинный, а не просто следование Таарофу. Вопрос *Вы не делаете таарофа?* – распространенное выражение в этикетном взаимодействии персов. Чтобы убедить Али в том, что он не совершает таарофа, Реза клянется Богом. Такая клятва используется для подчеркивания искренности отказа. Чтобы убедить Али в том, что он действительно собирается уйти, Реза использует еще один типичный знак ухода: просьба передать привет. Ритуал приглашения заканчивается этикетной формулой: *Мы к вашим услугам*. Использование местоимения «мы» указывает на смирение, культурную стратегию Таарофа, которая побуждает иранцев принижать «я» и возвышать «другого» во взаимодействиях [Sharifian 2008]. Реза отвечает другой ритуальной формулой: *Мы ваши рабы*, используя ту же стратегию для окончательного завершения разговора. Знаки почтения к собеседнику

амбивалентно индексируют и усиливают признание обеими сторонами дистанции и иерархии, а также их выражение привязанности, что обеспечивает выполнение требований вежливости, прописанных в Таарофе.

Этикетная модель приглашений и отказов в Таарофе отражает моральные традиции общества, который поощряет и подчеркивает внимание к чувствам, желаниям и потребностям других людей и даже ставит чувства, желания и потребности других людей выше своих собственных. Участники взаимодействия должны сами определить искренность или неискренность поступка и отреагировать соответствующим образом.

Таким образом, анализ ситуаций приглашения в гости в русской коммуникативной культуре имеет принципиальные отличия от персидской. При общей важности понятия гостеприимства в обеих культурах, искренность и непосредственность русской этикетной модели приглашения резко противопоставлена церемониальной процедурности приглашения в персидской культуре.

2.5. Этикетная ситуация «Прием гостей»

Гостеприимство в качестве национальных особенностей русского менталитета и характера считается значимой частью народной культуры, строя семейных отношений и общественного быта русских людей. А. К. Байбурин и А. Л. Топорков писали об особой форме русского патриархального приема гостей – потчевании, проявляющемся в принуждении гостей есть все, что выставлено на столе хозяев [Байбурин, Топорков 1990]. Такие церемониальные черты русского патриархального поведения можно обнаружить в настоящее время только в некоторых сельских районах России. Хозяйка может использовать шуточные угрозы, выражать мнимую обиду и даже пытаться пристыдить гостя, который отказывается много есть и пить. В исследованиях [Гынгазова 2005, Иванцова 2004]] детально описываются стратегии и последовательность этикетных действий хозяйки при приеме гостей.

Перед застольем принято обмениваться новостями, и в завершении хозяйка должна произнести; «Соловья баснями не кормят!» – то есть подать знак перехода к столу, что является центральной частью ритуала. Хозяйка приглашает гостей: *присаживайтесь, угощайтесь, кушайте на здоровье!*

Стратегия настойчивости при угощении в ритуале потчевания имеет важное значение [Гынгазова 2005: 46-56]. Для патриархальной русской культуры важно поощрять гостей пробовать все блюда, которые выставлены на столе. Для этого используются различные формулы, такие как *угощайтесь, кушай(те), ешьте* и т. п. Если гости отказываются, то обычно применяются уговоры в виде: *Давай-ка еще ешь, не стесняйся*, угощения активно расхваливаются: *Ой, блинчики хороши, ну-ка, покушай давай! Ой, а селедочка какая, ммм, пальчики оближешь – ешь давай!* В процессе потчевания стоящие на столе продукты называют уменьшительно-ласкательными именами ласкательными: *хлебушек, яичко, колбаска, селедочка, картошечка с лучком.*

Когда гость не проявляет должного энтузиазма в отношении предложенной ему еды (это может быть проявлением пренебрежения или насыщения), хозяйка использует определенные методы убеждения, чтобы преодолеть сопротивление гостей. Эти методы включают излишнюю похвалу, шуточные угрозы и выражение неодобрения тем, кто отказывается, например:

Огурчики ужасно вкусные, попробуйте. Давай супчик-то доедай, а то на голову вылью, поешь немного, хватит уже ломаться, беда с тобой! Фу, какой упрямый!

Завершение потчевания может сопровождаться извинением за плохой прием: не судите строго, если что не так, благодарности за приход: *все равно спасибо, что пришли, почти ничего не поели, есть то особо нечего было.*

Патриархальное потчевание как особый этикетный ритуал в современной русской культуре несколько устарело, лишь некоторые его черты еще сохраняются в просторечной среде, и не только в ней. Сохраняются уменьшительно-ласкательные номинации блюд, приборов, имен гостей [Китайгородская, Розанова 1999, Фуфаева 2021]. Также традиция

поддерживает уговоры гостей выпить спиртное. В качестве примера, обыгрывающего данную традицию, можно рассмотреть фрагмент шутовой песни Семена Слепакова, который строится на демонстрации настойчивости хозяев напоить гостей, не принимая отказа:

Когда вы предложили выпить, я сразу сказал:

«Мне пить нельзя, мне пить нельзя!»

Когда вы опять предложили, я отказал,

Я сказал: «Извините, но мне пить нельзя».

Когда вы сказали: «С селедочкой сам Бог велел!», -

Я ответил: «Меня он в виду не имел».

Когда вы сказали: «Да че ты! Ну, выпей, братан!»

Я сказал: «Мне нельзя», - и отсел на диван.

Когда вы сказали: «Да ладно, хоть пригуби!»

Я сказал: «Пригублю, но не буду глотать».

Когда вы сказали: «За родителей надо глотать», -

Я сказал: «Ничего, не расстроится мать».

Я вас уверял, что мне очень комфортно и так,

А вам все казалось, что что-то не так.

Я вам отказал в общей сложности раз сорок пять,

А вы предлагали опять и опять.

Из примера видно, что такие этикетные формулы как *Да че ты! Ну, выпей, братан!* предполагают, что хозяин пытается «взять на понт» гостя и «заставить» его выпить спиртное, также используются уговоры, сопряженные с приемом пищи: *С селедочкой сам Бог велел!* Весь ритуал уговаривания выпить спиртное напоминает некоторое соревнование «кто кого переубедит». В процессе питья всегда используются тосты. В русской культуре тосты распространены и высоко ритуализованны, что часто отмечается иностранцами как особая черта русского этикета: *(За) ваше здоровье!; Твое здоровье!; За встречу!; За дорогих гостей!; За хозяев!; За родителей!; За детей!; За удачу!; За хозяйку!; Будем (здоровы)!; поехали! и проч.*

Рассмотрим несколько диалогов приема гостей в современной русской коммуникации в контрасте с аналогичными диалогами в современной персидской коммуникации.

Диалог 1.

Русский диалог (Вепова и др., с. 929).

(В., приятельница С., и ее муж М. пришли навестить С., недавно пережившую операцию на колене).

В. Здравствуй, дорогая. Вот решили зайти к тебе без приглашения.

М. Мимо шли тут. Дай, думаем, зайдём к Саше, узнаем, как дела у нее, попроведаем.

С. О-о, привет, мои хорошие! Вот неожиданно-то. Молодцы какие! Вы как решились? Давайте, давайте раздевайтесь, проходите.

М. Сашенька, куда можно повесить плащ?

С. Да вот сюда, давайте. Веруня, тебе дать тапочки?

В. Да не суетись, не надо. Я так. Как хоть у тебя дела? Как нога твоя?

Анализ диалога демонстрирует неформальную и положительную эмоциональную реакцию хозяйки на неожиданный приход гостей: *Вот неожиданно-то. Молодцы какие.* Прослеживается активное использование уменьшительно-ласкательных суффиксов в обращениях как со стороны гостей, так и со стороны хозяйки: *Сашенька, Веруня.* Такие формы являются проявлением доброжелательности, тепла и близости коммуникантов.

Персидский диалог.

Хозяйка, муж хозяйки, ее брат, жена брата. Прием ожидаемых гостей.

Муж хозяйки:

(بفرمایید، داخل. خوش اومدید. چشم ما روشن. ببین کی اومد. سلام).

Здрааааствуйте. Посмотри кто пришел. Наши глаза светятся. Добро пожаловать пожалуйста, заходите.

Брат хозяйки: (سلام، خواهش میکنم). Здравствуйте, пожалуйста.

Жена брата: (به خوشی شما اومدیم. سلام). Здравствуйте. пришли к вашей радости.

Муж хозяйки: (اممنون، بفرمایید، داخل)! Спасибо, пожалуйста, заходите.

Брат хозяйки: (نه، اول شما بفرمایید). Нет, сначала Вы пожалуйста.

Муж хозяйки: (بفرمایید. اصلا). Ни в коем случае. Пожалуйста.

Брат хозяйки: (صابخونه مهمون نمیخوای؟) Хозяйка не хочешь гостей?

Хозяйка: (صفا آوردید. سلام زنداداش. سلام، داداش)! Привееееет, братишка (обнимая своего брата). Привет, жена брата! (обнимая жену брата). Вы нам доставили радость.

Брат хозяйки и его жена: (حالت چگونه؟. سلام، سلام) Привет, привет. Как дела?

Жена брата: (مزاحمتون شدیم.) Беспокоились о вас.

Хозяйка: (بفرمایید، بشینید. قدم رو چشم ما گذاشتید! اختیار دارید) Что вы! Наступили нам на глаза! (имея в виду «вы нам очень дороги, и мы очень рада вас видеть, ваш приход очень много значит для нас») пожалуйста, присаживаетесь.

Анализ диалога демонстрирует, что при приеме в качестве гостей даже близких родственников приняты церемониальные формы, возвышенные формы выражения радости, формы самоуничижения и возвеличивания гостей, одаривших хозяев своим визитом и пр. Этикетные диалоги успешны только при соблюдении описанного порядка.

Диалог 2.

Русский диалог [PPP Тексты, с 157].

(Б. приезжает в гости к А. двоюродному брату и В. – двоюродной сестре).

А. Привет!

Б. Привет!

А. А мы тебя ждем// Пива хочешь?

Б. Хочу//

В. Или кофе?

Б. Хочу//

А. А это сочетается?

В. Только так и пьется// Во всех романах//.

Б. Издеваешься? Ну давай-давай//

В. Сейчас выпьем/ только чайник вскипит//(уходит).

Анализ диалога показывает, что неформальный характер отношений. Гость ведет себя развязно и бесцеремонно, но это не вызывает недовольство хозяев, поскольку это шутовская, «антипафосная» форма коммуникации, распространенная в молодежной среде.

Персидский диалог.

А. хозяйка (тетя), Б. племянник, В. его жена за обеденным столом.

В. چه زحمتی کشیدید. خجالتان دادید خاله جان. Как вы постарались ради нас! Нам очень неловко, дорогая тетя.

Б. قرار نبود از این کارها بکنید. Вы не должны были делать ничего из этого.

А. میبخشید من برنامه ی درست و حسابی برایتان داشتم. نمیخواستم اینجور سردستی باشد. سفره مان خالیست. شرمنده ایم.

Ну пожалуйста! У меня ведь был такой хороший и правильный план для вас. Я не хотела, чтобы это было так просто и быстро. Стол совсем пустой. Мне очень неловко...

Б. راضی به زحمتتان نبودیم خاله جان. خیلی هم خوب است چقدر زحمت کشیدید.

Совсем не нужно было так стараться, дорогая тетя. Стол очень хороший. Вы так постарались!

А. بفرمایید، بفرمایید شامتان سرد میشود. فرمایید! شما را بخدا تعارف نکنید!

Пожалуйста, пожалуйста, ваш ужин будет холодным. Пожалуйста! Ради бога, давайте без церемоний (не делайте таарофа)!

Тетя постаралась поставить на стол самую вкусную еду для соблюдения Таарофа. Она в соответствии с правилами Таарофа настойчиво призывает гостей есть без церемоний. Парадокс, который видят в таком поведении иностранцы, заключается в том, что хозяйева, выполняя предписания Таарофа, одновременно просят гостей не следовать предписаниям Таарофа, соответствующим поведению гостей, не смущаться и не отказываться от угощения. Таароф имеет внешне парадоксальные характеристики в

зависимости от ролей собеседников в той или иной ситуации [Moradi Kermani, 2008, с. 78].

В статье И.А. Шаронова [Шаронов 2003] обсуждается искреннее стремление русских снять ритуальные тенденции при приеме гостей через типовое использование конструкции *(прошу) без церемоний*, угощения, в ситуациях раздачи подарков и т. д.; а также конструкции *Что за китайские церемонии!* в качестве осуждения за формальную тональность речи младшего собеседника. Такая стратегия сильно отличает коммуникативный стиль русского общения от стиля культур, сохраняющих патриархальный уклад, к которым относится, в частности, персидская культура. В современной русской коммуникации этикетные формулы высокого стиля устарели и могут восприниматься в ироническом ключе, как неискренние и потому неэффективные. Из анализа используемых этикетных формул в персидских диалогах видно, что большая часть из них имеет ритуализованное метафорическое значение. И прямые, и метафорические формулы используются в конкретных позициях церемониала этикетной ситуации, ориентированы на выражение вежливости и мало соответствуют реальности [Ахмади 2022]

Таким образом, на примерах гостеприимства подтверждаются базовые признаки современной русской коммуникативной культуры: непосредственность и эмоциональность, контрастные культуре Ирана, в которой сохраняются патриархальные черты церемонности в бытовой сфере.

Принципиальное противопоставление стратегий русской непосредственности и персидской пафосности в бытовой коммуникации находит выражение также в речевом жанре «комплимент». Данный речевой жанр имеет сложную семантическую структуру и будет рассмотрен комплексно через анализ составляющих его речевых актов на фоне аналогичных актов персидского языка. Материалом для анализа русского комплимента послужили примеры, собранные в НКРЯ. Материал для анализа

персидского комплимента собран в основном из авторской коллекции диалогов.

2.6. Этикетная ситуация «Комплимент»

Слово «комплимент» появилось и распространилось в Европе из испанского языка. Оно проникло во французский в немецкий в первое десятилетие XVII века в значении «придворный, вежливый, изящный поклон», с 1623 года оно означало устную или письменную похвалу и выражение уважения, а в 1646 году обрело значение «лестный отзыв». Слово «комплимент» вошло в лексический состав русского языка в начале XVIII века и впервые появилось в бумагах Петра I в 1701 – 1702 гг. Написание варьировалось: «кумплюмент», «комплемент» [Мостафави 2013: 163-164].

Большой толковый словарь описывает комплимент следующим образом: «Лестное суждение о ком-л., любезный отзыв. Отпускать комплименты. Обменяться комплиментами. Сомнительный к. в адрес кого-л. Рассыпаться в комплиментах (сказать много лестного)» [БТС 2014, с.446].

Во втором томе словаря русского языка под редакцией А.П. Евгеньевой комплименту дается следующее толкование: «Лестное для кого-л. замечание, любезный отзыв» [МАС 1986: 86].

Важно обозначить, что комплименты наполнены культурными ценностями и ассоциируются с определенными нормами, которые различаются в национальных культурах.

Комплименту и похвале посвящены многие исследования в зарубежной и русской лингвистике, социальной лингвистике и лингвистической психологии [Трофимова 2008], [Гиззатуллина 2008], [Захарьянц 2009] и др. Л. Т. Гиззатуллина рассматривает речевые акты как факты в социальной коммуникации. Автор изучает и исследует работы в этой области на материале разных языков [Гиззатуллина 2008].

С точки зрения Н. А. Трофимовой, комплимент и похвала являются важным языковым компонентом в речевом этикете. Анализ различных формул

комплимента является релевантным признаком степени формальности в той или иной социальной среде [Трофимова 2008, 122 с.]. Я. А. Захарьянц также подтверждает связь комплимента с речевым этикетом и социальным поведением [Захарьянц 2009]. В статье [Агаркова, Путилина 2017] изучаются коммуникативные аспекты комплиментов и похвалы в многоязычной вербальной среде Оренбуржья (русский, татарский, башкирский и казахский языки).

В работе [Бигунова 2013, 2015] автор рассмотрела сочетание положительно-оценочных РА с другими речевыми актами, описала значение и роль положительных оценочных речевых актов, предложила их классификацию, в которой представлены РА комплимент и похвала.

Я. А. Захарьянц трактует комплимент и похвалу в русской культуре как *лесть* и преувеличение для достижения цели [Захарьянц 2009]. А.Г. Балакай в словаре речевого этикета предлагает список формул для выражения комплимента и похвалы, наряду с формулами одобрения и других вежливых форм общения [Балакай 2004, С. 640-649].

Н.И. Формановская рассматривает комплимент в группе «одобрительных речевых актов» [Формановская 1988]. По мнению автора, комплимент — это речевой акт, который явно или неявно приписывает адресату какое-то положительное качество во внешности, способностях, талантах и т.д. Сделать комплимент — значит подметить в собеседнике нечто положительное, подчеркнуть это, похвалить, а иногда и несколько преувеличить оценку.

Факторами, влияющими на использование комплимента, являются воспитание человека, социальное положение, ориентация на адресата и ситуацию в целом, образование, возраст, индивидуальная склонность, характер личных отношений с собеседником, невербальные параметры, которые сопутствуют речевому действию (взгляд, тон, мимика, жест, поза говорящего).

В некоторых случаях современные комплименты касаются третьего лица, а не адресата напрямую, но в таких случаях всегда существует прямая связь между положительно оцениваемым лицом и адресатом, которая передает

положительную оценку второму лицу. Это коммуникативные действия, направленные на поддержание хороших отношений, теплоты и близости между участниками общения.

Поскольку речевой этикет вообще является демонстрацией доброжелательности, комплимент, подчеркивая только хорошее, служит удачной смазкой контакта» [Андрейчина и Формановская 1980].

По классификации Н.Д. Арутюновой, комплименты считаются оценочными речевыми актами [Арутюнова 1990]. Высказывание-комплимента обладает определенными семантическими компонентами (Елагина 1992). Эти компоненты могут быть выражены с разной степенью ясности. Модальная структура оценки включает в себя элементы трех типов: обычно объясняемые (предмет оценки), элементы, как правило, имплицитные («оценочная шкала, стереотип оценки, аспект оценки») и элементы, являющиеся эксплицитно и имплицитно (предмет оценки, ценностные предикаты, мотивы оценки) [Вольф 1985]. В зависимости от того, как выражен тот или иной компонент, высказывание принимает ту или иную модификацию. В комплименте положительная оценка чего-либо мотивируется установкой на поддержание добрых отношений.

Комплимент семантически близок к похвале. Но между двумя этими понятиями существует определенная разница. Комплименты связаны с оценкой положительных внешних и внутренних черт человека, в то время как речевой жанр похвалы связан скорее с положительной оценкой предпринимаемых действий и их результатов, а также поведения. Кроме того, похвала обычно делается старшими или равными, чаще хвалят детей, молодых людей и ровесников. Похвала является в этом смысле воспитательным средством для детей и средством укрепления социальных связей для ровесников.

В иранской лингвистике пока нет обобщающих исследований, касающихся непосредственно РА комплимента, похвалы и одобрения. Однако в области лингвистической прагматики появляются статьи о характеристиках комплимента в иранском обществе [Alirezaei, 2008; Hashemi и др., 2010; Alavi

и Zeinali, 2014; Faika, 2016; Jafari & Ghiasi Zarch 2018; Izadi 2018]. Необходимо отметить книгу «Система вежливости, Таарофа и концепция лица в иранской культуре», в которой также затрагивается тема комплиментов [Kotlaki, 2017]. Немецкий социолог Z. Faika рассматривает отношения вежливости и Таарофа и их связь с церемониальным проявлением уважения [Faika 2016].

По мнению Х. Мостафави [Мостафави 2013: 293], в русской культуре общения мужчины чаще делают комплименты женщинам, реже всего коллегам и незнакомым людям. При этом женщины особенно хвалят своих подруг, коллег и знакомых. Русские женщины делают комплименты своим друзьям/подругам гораздо чаще, чем мужчины. Иранцы, то есть мужчины любого возраста, определяют работу больше, чем друзья и знакомые, и меньше, чем все коллеги. Они практически не используют комплименты начальника и малознакомых мужчин и женщин. Что касается комплиментов, иранские женщины и мужчины делают комплименты очень тактично и умело и стараются не выходить за личные границы собеседника. В персидской речевой культуре похвала и восхваление выражаются с высоким уровнем выразительности и поэтичности. [Ахмади 2014]. Для персидской культуры типичны такие формы комплимента:

دختر گفت: تو از هر سنگ گرانبهایی جذابتر و در کل خودت مانند سنگ قیمتی هستی.

«Ты привлекательнее всякого драгоценного камня, и вообще Ты сама как драгоценный камень» [Моставафи 2013: 256].

2.6.1. Классификация комплиментов

О гендерных и возрастных различиях в комплиментах писали как зарубежные, так и отечественные исследователи. В работах В.М Крысина [Крысин 1977], Р.О. Шора [Шор 1926], Н.Л. Пушкарева [Пушкарев 1999] Е.А. Семеновой [Семенова 2010], А.В. Кирилиной [Кирилина 2004], М. Шафаги [Shafaghi 2022], Х. Мостафави [Моставафи 2013] стратегии комплимента выделяются с точки зрения возраста, речевой ситуации и пола коммуникантов. Из последних работ необходимо отметить диссертационное исследование

[Жэнь 2022]. Compliments are traditionally made primarily to adult women and men. In the works of Iranian linguists M. Shafaghi [Shafaghi 2022] and X. Mostafavi [Mostafavi 2013] it is indicated that compliments are made to women, in order to express attention and approval of her appearance (hair, clothing, shoes, etc.). However, our material shows that the area of application of compliments is significantly wider. Women and men alike try to make a compliment when they want to lift the mood of the interlocutor. The majority of compliments from men to women in our material are related to flirting and establishing good relationships. Girls to a greater extent than boys, praise character and behavior. Boys use this tactic for a compliment to men, when something very pleased them, caused an outburst in behavior and character of the interlocutor.

On the basis of the analysis of theoretical works and linguistic material in the paragraph, a classification of types of compliments, related to gender, age, object of the compliment and speech genres, into which a compliment falls as a constituent element.

Classification of compliments by gender and age.

Gender:

- 1) external appearance, details of women's appearance;
- 2) external appearance, details of men's appearance;
- 3) character and abilities of men and women;

Age:

1. young age
2. old age

In addition, a compliment to a person relative to his reliability and taste can be made through a positive evaluation of his property.

For the identification of contrasting features in Russian communicative practice, we will give examples of the use of compliments on the material of Russian and

персидского языков. Русские примеры комплиментов выбраны из Национального корпуса русского языка (ruscorpora.ru).

Рассмотри каждый элемент классификации видов комплимента более детально.

1. Комплимент внешнему виду.

1.1. Внешний вид, детали внешности женщины. В обеих культурах акцентируется внимание на общем внешнем виде и на его красивых элементах.

Русские примеры:

*Женщина целый день не видела свою дочь и теперь любуется: «**Какая ты у меня хорошая, какая красивая!**»* (Р.Валеев. Когда-то летом);

*К нашему столику подошел хозяин заведения Майер, поздоровался с Зиманичем и воскликнул: «**Какая красивая дама!**»* (Л. Лопато. Волшебное зеркало воспоминаний);

***Какая красивая бабуля!** – заорал, уступая мне место в автобусе, ражий кавказец.* (И. Васюченко. Хромые на склоне);

*О-ля-ля, **какая прическа!** — вдруг громко произнесла Николь, незаметно вошедшая в комнату.* (В. Михальский. Весна в Карфагене);

*— Здравствуй, Анна, — говорит Вронский. — Мне нравится <...> **цвет кожи, твоя шея и глаза, было бы здорово иметь с тобой реальный контакт*** (А. Слаповский. 100 лет спустя. Письма нерожденному сыну).

Персидские примеры:

*- چه صدای دانشینی دارید مثل بلبل. - **Какой у Вас приятный голос как у соловья;***

*- پوست زیبایی داری مثل مخمل نرم و لطیف. - **У тебя прекрасная кожа, такая бархатная нежная и мягкая;***

*- چه چشمای قشنگی داری. چشمات مثل ستاره ها برق میزنن! - **У тебя такие красивые глаза. Они сияют как звезды!;***

*- گیسو کمند! - **Твои волосы как аркан!;***

*- چه موهای بلند و زیبایی داری. - **Какие у тебя длинные и красивые волосы;***

*- شما لبخند زیبایی دارید. - **У тебя красивая улыбка.***

- دندونان عین مروارید سفیده. - *Зубы твои белые как жемчуг.*

Сопоставление приведенных примеров позволяет сделать выводы:

- в русских комплиментах чаще дается общая оценка внешности женщины, а в персидских наблюдается тенденция делать комплименты деталям внешности;
- в отличие от русских комплиментов, в комплиментах персидской коммуникативной культуры активно представлено использование возвышенных сравнений.
- интересно, что в русской этикетной коммуникации комплимент зубам не считается приличным, чего не скажешь о персидской этикетной культуре, в которой восхваление белизны и однородности зубов принято и вполне уместно.

1.2. Внешний вид, детали внешности мужчины.

Русские примеры

— *Здравствуй, Вронский, — говорит Анна. — Ты молодой, в отличие от моего мужа, высокий, стройный, хотя слишком самодовольный и не очень умен* (А. Славовский. 100 лет спустя. Письма нерожденному сыну)

— *Много сейчас о жизни думаю, Зюня, — говорил дядька. — Вдруг она прошла, оказалось, что я — последний. Я и ты. Но ты молодой, сильный* (Д. Рубина. Белая голубка Кордовы);

Андрей, все образуется. Ты молодой и сильный. Возьми себе жену. Кончай пить. Сделай нарты, сделай чум (В. Голованов. Остров, или оправдание бессмысленных путешествий).

Персидские примеры

- چه هیکل ورزیده ای داری. - *Какое у тебя подтянутое тело.*

- سرو قامت! - *Ты высокий и стройный как кипарис!*

К сожалению, в нашем корпусе нашлось только два примера, но в одном из них также встречается сравнение. В обеих культурах акцентируется внимание на молодость, элегантность, стать.

2. Характер и качества мужчины и женщины.

Русские примеры

***Вы добрый, внимательный, сердечный человек...** — Колосков не знал, куда деваться от смущения. (Ирина Стрелкова. Похищение из провинциального музея);*

***Ты же — сильный, яростный, ты еще и не такие дела поднимешь. Для начала в Высокое поедем, я тебе все отдам.** (Б. Васильев. Были и небыли);*

*— Я же слышу по голосу, Клара, **вы добрая девушка** (Г. Яхина. Дети мои);
***Да ты же сильный!** Да ты меня еще в бараний рог закрутишь и за пояс заткнешь! (С. А. Самсонов. Аномалия Камлаева);**

*Да перестаньте вы, Михаил Афанасьевич, напрашиваться на комплименты! **Вы талантливы, я бы сказал больше – гениальны!** И хорошо знаете это (А. Мацанов. Мастер и подмастерье);*

Персидские примеры:

- همه چی میدونی. تو استادی. - **Ты мастер. Все знаешь;**

- تو خیلی مهربونی. - **Ты очень добрая;**

- تو خیلی باهوشی پسر - **Ты очень умный, мальчик.**

При комплиментах характеру и качествам принципиальных различий обнаружено не было.

3. Возрастная характеристика.

Специфика возрастных комплиментов в обеих речевых культурах связана с центральным этапом человеческой жизни – периодом молодости. Комплиментом для юных является утверждение, что они уже взрослые: *Ты уже совсем заневестилась, Как ты возмужал; Ты уже настоящий мужчина.* То есть происходит превышение возраста на основе внешности объекта комплимента. Комплиментом для перешедших возраст молодости является

сообщение о молодой внешности и неизменяемости со временем: *Вам больше 30 / 40 не дашь, Вы совсем не меняетесь* и т.д.

Русские примеры:

— *Не смотри на меня, испугаешься!* <...> *А мне: — Сашка, ты прямо расцвела!* [М. Шишкин. Письмовник).

Я плохо разбираюсь, кому сколько лет. Вам, например, больше тридцати пяти не отсыпать. Я угадала? — Спасибо за комплимент, — улыбнулась я, — пустячок, а приятно... (Д. Донцова. Доллары царя Гороха);

Я старый? — спросил он. — Нет. Ты молодой и красивый. На работе все девчонки завидуют мне. (Т. Тренина. Русалка для интимных -встреч);

— *Не стареетесь: такая же красавица!* *Знаете: я не видал такой старческой красоты никогда...* — *Спасибо за комплимент, внучек: давно я не слыхала; какая тут красота!* (И. А. Гончаров. Обрыв);

Персидские примеры:

- بزوم به تخته، شما هيچ تغيير ي نمي کنيد! - Постучу по дереву¹, **Вы не меняетесь!**

- تو عين قبلی، تغيير نکردی! - **Ты все такой же!**

- خیلی جوان تر از سنت نشون میدی! - **Ты очень молодо выглядишь!**

- عين قالی کرمان! - **Похож на ковер Кермана!**²

- اصلا نمیشه سنت رو حدس زده! - **Тебе никак нельзя дать твоих лет!**

Интересно, что в персидской культуре суеверный отгон (*постучу по дереву*) произносит автор комплимента. При устном опросе носителей русской коммуникативной культуры было отмечено, что суеверный отгон обычно произносит в таких случаях получатель комплимента.

¹ Этот термин в Иране постоянно используется при комплименте для того, чтобы не сглазить кого-л.

² В иранской культуре ковер Керман известен тем, что чем больше его используют, тем меньше на нем шерсти, и роль ковра становится более очевидной, как картина и богатое изображение, а с течением времени ковер не обесценивается, а становится все более дорогим и ценным, и эта фраза используется как комплимент для женщин. Они становятся красивее день ото дня, и их возраст виден меньше, чем их реальный возраст.

4. Характеристика имущества (дом, машина и т. д.).

Русские примеры:

Хорошая у тебя машина. – говорю я. – Японская? Алексей довольный смотрит на меня: – Ты чё, зёма? Когда это японцы начали под маркой «Дженерал Моторз» работать? Никаких япошек (О. Гладов. Любовь стратегического назначения);

— *Какая красивая у тебя машина!* — восхитилась Александра, равнодушная к легковым автомобилям (В. Михальский. Прощеное воскресенье);

— *Какая красивая ваза,* — сказала девочка. — У меня много таких, — сказал Тесей, — выберешь, какая понравится. А эту я тебе не дам. Здесь жила моя жена Федра (К. Зурабова. Елена);

Персидские примеры

- چه خونہ ی قشنگی دارید عین قصرہ۔ - *Какой хороший дом у вас, как дворец.*

- چه انگشتر قشنگی! - *Какое красивое кольцо!*

Об ответной реплике на комплимент гостя предмету хозяина *قابلی نداره* мы будем говорить подробнее ниже, при анализе ответных реплик. Однако уже сейчас можем отметить вежливую формальную стратегию предложения хозяина гостю взять эту вещь в подарок. Разумеется, гость не должен принимать это предложение серьезно.

От комплимента следует отличать близкий ему акт, однако оцениваемый отрицательно. Ввиду того, что в комплименте может содержаться преувеличение достоинств, которое каждый человек желает видеть в себе, данный акт имеет и обратную сторону, именуемую лестью. По мнению И.В. Панкратова, комплимент отличается от лести тем, что: «лесть подразумевает чрезмерное преувеличение положительных качеств, чаще всего приписывание достоинств, которых нет. А комплимент не допускает этого, он лишь

опосредованно указывает на наличие у человека ряда положительных качеств» [Панкратов, 2001].

Считается, что лесть – это неискреннее восхваление кого-либо с той или иной целью. Тогда как комплимент отражает просто доброжелательность и внимание к человеку [Тамберг 2000]. В словарях лесть определяется как оскорбительная похвала, лицемерное восхищение, вызванное корыстными побуждениями [Ушаков 2014].

Н. А. Бигунова в статье [Бигунова 2013] определяет лесть как псевдоположительно-оценочный речевой акт, который характеризуется наличием в мотивации адресанта высказывания корысти, расчета, выгоды, конкретной целенаправленности на адресата, прагматичности, неискренности, явным преувеличения, желанием манипулировать объектом лести. Данный РА имеет эксплицитную форму реализации оценки и формулируется преимущественно в рамках иницилирующего коммуникативного хода. А объектами лести так же выступают внешность коммуниканта, его умения, достижения, интеллектуальные и моральные качества. В работе [Формановская 1998] Н.И. Формановская утверждает, что завуалированное побуждение в виде лести в коммуникации осуществляется при помощи различных тактик: тактики сближения адресанта и адресата, тактики выражения уважения адресату, тактики субъективной и объективной аргументации, тактики положительной самопрезентации, тактики восхваления и угождения и т.д.

Чаще всего лесть может быть направлена от нижестоящего лица к вышестоящему, и как речевой акт, лесть реализует коммуникативные стратегии эмоционального воздействия, манипулирования и возвышения адресата, которые в свою очередь относятся к стратегиям негативной вежливости.

В русской коммуникативной культуре формальным свойством лести может быть чрезмерность в положительных оценках собеседника, и в частности, возвышенный стиль, который вполне нормально воспринимается в персидской культуре.

2.6.2. Ситуации использования комплиментов

Комплимент как речевой акт является составной частью более сложной коммуникативной ситуации. Он реализуется в (1) речевом жанре (далее РЖ) встречи, (2) может предварять РЖ просьбы, (3) использоваться при РЖ благодарности, РЖ утешения, и РЖ поздравления.

1) Комплимент при встрече двух собеседников.

При встрече собеседников комплименты используются для установления и поддержания приятного контакта для последующего разговора. Чаще всего при встрече объектом комплимента является внешность.

Русские примеры

(см. выше: внешний вид и возрастная характеристика в комплименте):

*-Здравствуйте, Андрей Арсениевич! — Медам! — восторженно приветствовал попутчиц Лучников. — Исключительно рад! **Вы замечательно выглядите!*** (В. Аксенов. Остров Крым)

При встрече после долгой разлуки по отношению к молодым и к пожилым используются разные виды комплиментов:

— Как я рада, что вижу тебя, что ты приехал... Здоров ли? Должно быть, сильно занимался, бледный. Но как ты возмужал! — бессвязно восклицала Антонина Васильевна (А. Шкляревский. Что побудило к убийству? (Рассказы следователя).

Подхожу: — Не вы ли ждете Магомаева? — Ой, Мамусь! Ты все такой же молодой! Получался странный диалог: господин меня знает, я его — нет. Ничего не понимая, спрашиваю: — Простите, а вы кто? (М. Магомаев. Любовь моя — мелодия);

Персидские примеры

(см. также выше: внешний вид и возрастная характеристика в комплименте):

- تو امروز چقدر زیبا شدي، مثل يك پرنسس -

- Какая ты сегодня красивая, прямо принцесса!;

-!- تو مثل همیشه زیبایی! - **Вы как всегда красивы!**

- شما هیچ تغییری نمی کنید! - **Вы не меняетесь!** ;

-تو عین قبلی،تغییر نکردی!- **Вы все такой же!**

2) Комплимент при просьбе.

Комплимент при просьбе – хорошая стратегия, чтобы побудить собеседника совершить какое-то действие, ассоциативно связанное с объектом комплимента, тем или иным положительно оцениваемом качестве адресата.

Русские примеры:

Закрой... Захлопни... Затвори... Ты же сильный, ты же можешь... Ты же должен... Надо. Что же делать?.. (М. Гиголашвили. Экобаба и дикарь);

Милый, родной мой! Ты же сильный, ты все сможешь! Пойди на площадь, встань на колени, перекрестись на колокола и скажи, что ты — только шерстинка в его шкуре. И все будет хорошо”. (М. Шишкин. Венерин волос);

Увидел, человек нуждается в помощи, — бери и помогай. Не спрашивай. Тем более бог ничем, кажется, не обидел — ты же сильный! (В. Шукшин. Случай в ресторане);

Ты же сильный... или не настолько сильный? Старайся понять природу ума! <...> Незамутненный ум — это Свет Будды! (Ю. Стогов. Мачо не плачут);

— Я чувствую, Гош. Так же хорошо, как чувствую то, что ты тоже этого хочешь. Ты же добрый, Гош. Сделай женщину счастливой. Она так любит тебя! Забудь обо всем (О. Дивов. Молодые и сильные выживут);

Свёкор ругает: «Ты нам с детьми твоими камень на шею, объела ты нас, опила!» А свекровь уговаривает: «Ты же молодая, иди по монастырям, монахи до баб жадные, много денег наберёшь» (М. Горький. Исповедь);

Персидские примеры

مرد قوی من، لطفا در این شیشه مربا رو باز کن.-

-*Мой сильный мужчина, пожалуйста, открой эту банку с вареньем;*

آفرین, تو باهوشی تو میتونی به تمام آرزوهات برسی. -

-*Молодец, ты же умный, ты можешь осуществить все свои мечты;*

مشخصه که شما گیتاریست خوبی هستید، کمک کنید تا گیتار یاد بگیرم. -

-*Видно вы хороший гитарист, помогите мне научиться на гитаре.*

Из собранной коллекции примеров можно сделать вывод, что комплимент чаще делают женщины мужчинам, и основная характеристика мужчины в комплименте – это физическая сила или сила воли. Также действенным аргументом для получения согласия совершить действие выступает комплимент доброте собеседника и его ум.

3) Комплимент при благодарности.

Комплимент сопровождает и усиливает благодарность как ответ на совершенное благодеяние или великодушное предложение со стороны собеседника.

Русские примеры

Ну вот, ты поняла значение риска в своем деле... но здесь был я, — ветвяным голосом на прощанье сказал ей лес. — Не серчай, кончилась моя услуга. — Спасибо, ты добрый. Ладно, ступай назад (Л. Леонов. Русский лес).

— Не беспокоитесь, я все сделаю для вас, — просюсюкал он. — Моя Верочка будет в восторге... — Благодарю, вы такой же джентльмен, как и раньше [К. С. Бадигин. Секрет государственной важности).

Барин, не трогайте меня, не возите в больницу... Спасибо вам, вы добрый, только не трогайте меня, голубчик. — Ну, как хочешь, как хочешь, Лукерья. (И. Тургенев. Живые мощи);

Выйдя в коридор, я у выхода увидел ту больную. — Ах, да, — она улыбнулась, — я забыла сказать спасибо вам, вы тоже умелый техник (В. Голяховский. Русский доктор в Америке);

Персидский пример

از شما سپاسگزارم . شما از هر انگشتتان هنر مي ريزد

- *Благодарю вас! Каждый ваш палец – это кладезь мастерства и умения;*

Как видно из приведенных примеров, объектом такого комплимента являются положительные качества человека – доброта, благородство, великодушные, или профессиональные качества, способствовавшие совершению действия.

4) Комплимент при поздравлении.

В русской коммуникативной культуре комплименты при поздравлении встречаются не часто, поскольку поздравления связаны скорее с похвалой за совершение неординарного поступка, свершения.

Русские примеры.

Когда Гарик, который по отцу был Хачатуров, но тогда уже поменял фамилию, поступил во ВГИК, Сережа послал телеграмму ректору: «Поздравляю вас с будущим гением советского кинематографа Гари Параджановым (Б. Мессерер. Промельк Беллы. Сергей Параджанов. Венедикт Ерофеев);

*— Ну-те-с, — сказал он, глядя куда-то поверх наших голов, — поздравляю вас: **вы вступаете в жизнь...** (Н. Берберова. Курсив мой).*

*— Когда так, — сказал Гаркуша величаво, — то и я согласен. **Поздравляю тебя; ты наш собрат!** [В. Нарезный. Гаркуша, малороссийский разбойник).*

Персидские примеры

به شما بابت داشتن اين پسر منطقي تبريك عرض مي كنم.

Поздравляю вас с таким логичным сыном.

Стереотипным комплиментом начальника своих подчиненных является следующая формула:

- عيد نوروز بر شما که انسان سخت کوشي هستيد، مبارك (تبريك تولد) -

- Поздравляю с праздником Навруз вас, такого трудолюбивого человека.

По мнению персидских информантов, персидской коммуникативной культуре комплименты при поздравлении встречаются очень часто, но, к сожалению, в собранном корпусе был обнаружен только один пример.

5) Комплимент при выражении сочувствия, утешении, подбадривании.

Мужчины и женщины часто делают комплименты друг другу, когда другой человек находится в депрессии и нуждается в «положительном подкреплении». В этих ситуациях говорящий ставит перед собой цель создать собеседнику хорошее настроение, дать ему надежду на лучшее, продемонстрировать эмпатию к адресату и тем самым облегчить его переживания.

Русские примеры:

*Алеша коснулся тяжелого характера Наташи. И тут у него как-то само собой вырвалось: — Вы бы могли с ней справиться, **вы — сильный!*** (Р. Нахапетов. Влюбленный);

*— Сейчас бы я на эту специальную программу охотно согласился. — Да что ты такое говоришь? Да ты в своем ли уме? Да **ты же сильный!** Да ты меня еще в бараний рог закрутишь и за пояс заткнешь! Ты что это, ты с кем себя сравнил — с убогими? (С.А. Самсонов. Аномалия Камлаева);*

*Варя выпрямилась, и он тотчас же положил голову ей на колени. — Глупый. **Ты же — сильный,** яростный, ты еще и не такие дела поднимешь (Б. Васильев. Были и небыли);*

*Пат улыбнулся и похлопал меня по плечу своей култышкой. — **Ты храбрый,** Слай. Ты прям Яква, знаешь это? (Д. Тихий. Огородник с острова Басаноту);*

*— Обленилась ты, Надя, совсем обленилась, и работать не работаешь, и помогать не помогаешь. Лежишь да лежишь. Разве можно так убиваться?.. **Ты же молодая** — найдешь еще себе... (В. Кунгурцева Сад);*

— Украл... эти! — кивнула на дверь. Я рухнул рядом: — Слушай! **Ведь ты же умный, веселый человек!** Кому нужна твоя челюсть? (В. Попов. Ты забыла свое крыло);

— Говорю тебе, в больнице не тот какой-то укол воткнули. Ну и началась аллергия. А потом в астму все перешло. — **Ты же молодой совсем.** — А ты думал астмой только старики болеют? — он усмехнулся. (А. Геласимов. Год обмана);

Персидские примеры

چرا ناراحتی! تو هنوز جوانی! کلی روزای خوب در انتظارته.-

-**Зачем расстраиваться! Ты все еще молодой!** Все хорошие дни ждут тебя;

شما هنوز جوانید! دوباره میتونید بچه بدنیا بیارید دنیا که به آخر نرسیده.-

-**Вы еще молодой!** Можно снова родить ребенка, конец света еще не наступил;

شجاعت تو الگوي بقیه است. پس آرام باش -

- **Твоя храбрость** является примером для других. Поэтому успокойся.

В качестве аргументов для поднятия духа в обеих коммуникативных культурах обычно выступают комплименты силе и молодости адресата.

2.6.3. Ответ на комплимент в русской и персидской коммуникативных культурах.

Вторым компонентом РЖ комплимента выступает ответный речевой акт собеседника.

Представители русской речевой культуры при ответе на комплимент предпочитают использование наиболее простых и лаконичных вариантов ответа: *спасибо, большое спасибо, вы очень любезны* (последняя формула – формальный стиль). Встречаются случаи несогласия с комплиментом: *Да ладно вам! Перестаньте!* В молодежной среде могут использоваться и шутливо-

игровые варианты самовосхваления: *И платье красивое, и сама я ничего; Я всегда роскошен.*

Русские примеры:

— *Тамара, вы очень красивая женщина. Многие считают, что красота не приносит человеку счастья, а лишь создает дополнительные проблемы. Вы согласны? — Большое спасибо за комплимент. Что же касается красоты, мне нравится, когда женщина красива. Смотреть на нее — эстетическое наслаждение. От привлекательной женщины исходят доброта, спокойствие.* (С. Ткачева. Тамара Гвердцители: «Не умею учиться на чужих ошибках»);

— *Ух, какая ты красивая, — скажу я ей. — Спасибо за комплимент, — ответит Таня. — Раньше ты мне этого не говорил. — Я робел. — Раньше ты говорил мне, что я давлю фасон* (И. Меттер. Пятый угол).
Зато повезло нам! — хитро глянула на Романа. — Спасибо за комплимент. Не верю, но приятно, — улыбнулся в ответ вожатый (С. Вахитов. Разорванное сердце Адель);

Нравится? — скороговоркой произнесло юное создание, заметив взгляд гостя на своих волосах. — Замечательная прическа. — Валентина Андреевна улыбнулась. <...> — Да ладно вам... — надула губки Людмила (М. Милованов. Кафе «Зоопарк»);

— *А много ли по-настоящему хороших учителей? — Ну, вот вы, например, — сказал я. — Перестаньте, Коля! <...> Двадцать лет я говорила им чепуху о Блоке. О Маяковском я им рассказывала так, что посредственные его стихи оказывались самыми лучшими... — Тем не менее, — сказал я, — ваши ученики пишут вам письма по многу лет после окончания школы.* (И. Меттер. Свободная тема);

Такая красотка и без муженька! — продолжала соседка. — Ну, здесь вы не пропадете. На курортах мужчины ласковые. — Перестаньте, — сказала мама и посмотрела в мою сторону (В. Железников. Хорошим людям — доброе утро).

Интересно, что этикетная формула «*Спасибо за комплимент*» может быть использована в русских диалогах иронически, когда собеседник случайно или намеренно характеризует говорящего не с самых лучших позиций.

Проходи молча там, где проходят пенсионеры. Вид у тебя для этого вполне подходящий. П: Спасибо за комплимент! Ф: Не обижайся! Ты же не собираешься тут жениться?! (А. Зиновьев. Русский эксперимент).

Персидские примеры:

- لطف دارين! - چه خونه ی قشنگی.

Какой красивый дом! – *Вы любезны!*

ممنون، شما خیلی لطف دارید!

Спасибо вы очень любезны!

چشماتون قشنگ ميبينه!

Это ваши глаза видят все красиво!

قابلی نداره! خونه ی خودتونه!

(Считайте, что) Это ваш дом.

Стратегии ответа в персидской речевой культуре более разнообразные, чем русские. Дадим их классификацию. Они включают:

признательность за комплимент:

- *Я (рад/а) счастлива, что вам нравится;*

من خریدم چون دوستش داشتم اما از نظر شما متشکرم.

- *Я купила его(пальто), потому что оно мне понравилось, но спасибо за комплимент;*

обратный комплимент:

ممنون اما من به اندازه شما زیبا نیستم

- *Спасибо, но я не такой красивый как вы;*

به زیبایی شما

- *Такое же красивое как ваше;*

сомнение в искренности собеседника:

متشکرم, شما واقعا اینطور فکر می کنید؟

- *Спасибо, Вы правда так считаете?;*

возврат комплимента

فکر نمی کنم این کت و شلوار بهم میاد، شما چشماتون قشنگ میبینه!

- *Я не считаю, что мне идет этот костюм, ваши глаза видят это красиво;*

ممنون، همه اینها به لطف مهربانی، توانایی و سبک شماست

- *Спасибо, это все благодаря Вашей доброте, способностей и стилю;*

او فقط به خاطر تو شگفت انگیز است

- *Она хороша только благодаря тебе;*

ممنون، همه اینها به لطف مهربانی، توانایی و سبک شماست

- *Спасибо, это все благодаря Вашей доброте, способностей и стилю;*

من خوشحالم که شما را دوست دارم

непринятие комплимента

ممنون، اما زیبایی به لباس نیست به شخصیت!

- *спасибо, но красота не в одежде, а в характере;*

فکر نکنم داری منو خجال میکشی

- *Я так не считаю, ты меня смущаешь.*

اختیار دارید، این تازه اول راه منه

- *Что Вы, это только начало моего творческого пути;*

Предложение принять в дар понравившуюся вещь:

ممنون می تونی برای خودت برداری.

- *Спасибо, ты можешь его забрать себе.*

Точного *قابلی نداره!* Особого внимания заслуживает ответная форма. В русско-персидском и персидско-русском словарях нет. В всех словарях переводят *Не за что* *قابلی نداره*.

Разг. Не стоит, пустяки. (В ответ на благодарность) [Персидско-русский словарь, Ю.А. Рубинчик].

[Русско-персидский словарь, С. Д. Клевцова.] چیزی نیست. *قابلی نداره!* .

Однако в русском языке *не за что* – это формула исключительно в ответ на благодарность, *Не за что!* обозначает: ‘я не сделал для вас ничего такого, за

что меня можно благодарить'. Формула *قابلی نداره* используется шире. Это клише в современном персидском языке – абстрактный знак формальной вежливости. В персидских словарях это клише *قابلی نداره*: переводится как что-то не ценное / ничего не стоящее. В ответ на чью-то похвалу чего-либо или благодарность за гостеприимство оно используется как что-то недостойное кого-либо. При похвале имущества, какой-либо вещи ее можно перевести как:

Какой красивый X – Это ваш X.

Из буквального значения формулы может следовать, что предмет комплимента хозяин готов подарить гостю. В Онлайн-словаре «Абадис» предлагается следующий пример:

Мистер Джонс сказал: «Это очень красивый ковер». Дедушка, как обычно, ответил: «*قابلی نداره*». Мистер Джонс также решил, что дедушка дал ему ковер, и в конце вечера он хотел взять его с собой.

Итак, можно заметить, что при близости стратегий и объектов для комплиментов для русской коммуникативной культуры характерна непосредственность, прямота, отсутствие тропеических средств: сравнений, эпитетов и т. д. и пафосности в целом, что выглядит контрастно на фоне комплиментов в персидской культуре, где доминируют возвышенный стиль, поэтичность, преувеличения. Иранцы не стесняются говорить высоким слогом, делая комплименты, русские могут увидеть в этом неискренность и не оценить комплимент. При сравнительном анализе речевых жанров комплимента двух речевых культур было выявлено, что для русскоязычной аудитории у близко знакомых характерны «специфические» варианты комплиментов, которые могут содержать иронические оттенки. Для иранского комплимента характерен церемониальный, пафосный и образный характер.

Выводы по главе 2

В главе на материале этикетных ситуаций гостеприимства и комплимента анализируются утверждения об этикетных установках современной русской коммуникации. Рассматриваются исторические изменения этикетных норм в

русской коммуникативной культуре, устаревания патриархальной церемонности, упрощения правил русского этикета. Ситуации приглашения в гости, поведения в гостях и комплименты подтверждают теоретические выводы, сделанные русистами. Анализ ситуаций приглашения в гости в русской коммуникативной культуре имеет принципиальные отличия от персидской. На материале записей устных диалогов русского и персидского языков продемонстрировано современное коммуникативное поведение в этикетных ситуациях приглашения в гости и поведения в гостях, выявлены общие и различающие стратегии поведения свойства двух коммуникативных культур. При общей важности понятия гостеприимства в обеих культурах, искренность и непосредственность русской этикетной модели приглашения отличается от церемониальной процедурности приглашения в персидской культуре.

При сравнительном анализе речевых жанров комплимента двух речевых культур было выявлено, что при близости стратегий и объектов для комплиментов для русской коммуникативной культуры характерна непосредственность, прямота, отсутствие тропеических средств: сравнений, эпитетов и т. д. и пафосности в целом, что выглядит контрастно на фоне комплиментов в персидской культуре, где доминируют возвышенный стиль, поэтичность, преувеличения. Для русскоязычной аудитории у близко знакомых людей при неформальном общении характерны «специфические» варианты комплиментов, которые могут содержать иронические оттенки.

ГЛАВА 3. СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ФОРМУЛ РЕЧЕВОГО ЭТИКЕТА РУССКОГО И ПЕРСИДСКОГО ЯЗЫКОВ

3.1. Характеристики формул речевого этикета

Речевой этикет может быть рассмотрен как систематизированный набор стереотипных коммуникативных формул, используемых для проведения успешного речевого взаимодействия с учетом социальных и ситуативных ролей. Наличие такого набора этикетных формул обязательно присутствует у каждого народа. Эти формулы используются в стереотипных ситуациях общения для осуществления фатической функции: при приветствии, прощании, извинении, благодарности, приглашении, утешении и подбадривании, похвале и комплименте и т. д.

Классическим пособием по речевому этикету является Русский речевой этикет А.А. Акишиной и Н.И. Формановской [Акишина, Формановская 1978], состоящей из списка этикетных формул. Пособие строится по интенциональному принципу – выражению определенной этикетной интенции. В пособии указывается, что этикетные формулы используются для установления контакта (формулы, выражающие приветствие и адрес); для продолжения контакта (формулы извинения, благодарности, приглашения, просьбы, ответа на извинения, благодарности, приглашения и т.д.); для прерывания контакта (формулы, выражающие прощание).

По мнению Н.И. Формановской [Формановская 2002: 74], принципом использования формулы этикета, помимо общего принципа вежливости, является принцип адекватности ситуации, то есть прагматический принцип. Атмосфера общения (официальная / неформальная) и факторы получателя (социальный статус, возраст / пол, уровень осведомленности) определяют выбор той или иной этикетной формулы из ряда возможных, например: этикетные формулы приветствия включают такие единицы: *приветствую/ здравствуйте/ доброе утро/добрый день/добрый вечер/* и т. д.; этикетные формулы прощания включают: *до свидания/ до скорой встречи/ всего*

хорошего/ всего доброго/ пока/ бывай/ давай/ счастливого пути и т. д.; этикетные формулы благодарности включают: *большое спасибо / спасибо огромное/ благодарю/ разрешите Вас отблагодарить* и т.д.; этикетные формулы извинения включают: *извините, пожалуйста/ простите / приношу свои извинения/ прошу извинить меня/* и т.д.

Формулы, перечисленные в пособии, отражают в основном формальный советский этикет. Во многом устаревшим является также словарь А.Г. Балакая [Балакай 2004], внимание в котором обращено скорее на диалектные формулы вежливости. Другие исследования, отражающие более современное состояние русского речевого этикета, имеют описательный характер. Фундаментальных работ, отражающих изменения в этикете и раскрывающих полноценно и системно набор формул русского речевого этикета, в синхронии и диахронии пока нет.

3.2. Изменение русского речевого этикета в XX веке

Описанные свойства современной русской коммуникативной культуры были выработаны в основном в советскую эпоху. Они сильно повлияли на изменения в этикете в целом, и в частности, в речевом этикете.

Многие пафосные, этикетные формулы, передающие такие важные для дворянской, а также и крестьянской культур XIX века понятия, как «честь», «служение», «слуга», «бог» и др., устарели или стали использоваться иронически [Ермакова 2011]. Толковые словари по традиции сохраняют такие формулы предшествующей эпохи с пометой *устар.* Данная помета указывает на то, что этикетные формулы практически не используются в речи современных носителей языка [Шаронов 2015].

Целый ряд устаревших формул содержится в словаре речевого этикета А. Г. Балакая [Балакай 2001]. Примеры, собранные автором словаря, отражают этикет конца XIX и начала XX века. более современные употребления чаще содержат устойчивый сарказм. Рассмотрим понятия, стоявшие за этикетными формулами и утратившие свое значение в современном речевом этикете на

основе списка формул, собранного из Словаря речевого этикета [Балакай 2001]. Как показывают собранные в НКРЯ примеры последних употреблений этих форм относятся в основном к XIX – первой половине XX века, имеют просторечный характер, либо используются в художественной литературе в целях стилизации.

1) Выражение особого уважения по отношению к собеседнику, принижение себя до слуги, а своего дома до шалаша.

Моё почтение!; Почтеннейший [Почтенный]; Почёт и место!; Чего изволите?; Чем могу служить?; Милости прошу к нашему шалашу!; Покорно Вас благодарю.

— *А теперь, господа, **моё почтение-с**. Вы свободны, рад буду видеть вас в другой раз* (А. Куприн Поединок, 1905).

*Доктор сел за письменный стол, указал посетителю стул напротив: «Ну-с, **чем могу служить?**» Офицер тихо, с какой-то раздирающей нежностью проговорил: «Где Даша?»* (А. Н. Толстой. Хождение по мукам, 1928).

*А чайку все не хочешь? – Нет, **покорно вас благодарю**: мне домой пора. – Как угодно... А мой кучерок теперь за тобой лошадку поведет? — Да, теперь, если позволите.* (И. С. Тургенев. Лебедянь, 1848);

— *Не надо! Прощу!* – сказала дама по-французски. — **Чего изволите-с?** – Степан уж стоял, покачивая руку с салфеткой. Мичман лукаво поглядел на даму. Она отвернулась, покраснела (Б. С. Житков. «Сию минуту-с!..» 1927).

Особый случай – использование приглашающей формы: *Прощу к нашему шалашу*. Она также устарела, однако иногда продолжает использоваться в современной речи в целях стилизации и в намеренно шутливых контекстах.

— *Милости прошу **к нашему шалашу**, — сказал граф громко указывая на открытый ломберный стол, на котором лежали пачки кредиток,*

между тем, как молодой Алфимов здоровался с общим знакомыми. (Н. Э. Гейнце. Самозванец (1898).

— *Тут ребята морокуют того... Я, поди, ещё побуду маленько... Да и ты, Кузьмич, давай к нашему шалашу* (Е. Носов Шопен, Соната номер два, 1973).

— *Здравия желаем!* — сказал Трофим, брызжа слюной. — *Как непобедимый красный казак Трофим Рохля прося к нашему шалашу.* (Д. Маркиш. Статья Лютовым. Вольные фантазии из жизни писателя Исаака)

2) Особое отношение к понятию чести, важного как в аристократическом, так и в крестьянском общении.

Честь имею (кланяться)!; Сочту за честь; С кем имею честь?; Честь и место.

*С глубочайшим почтением и совершенной преданностью, **честь имею** быть, милостивый государь, **Ваш покорнейший слуга** А. Пушкин.* (А. С. Пушкин. Письма Н. А. и В. А. Дуровым, 1835-1836);

— *Заходите, граф,* — сказал вице-канцлер. — *Мне очень интересно знать, что творится у вас. Бедный больной старик, кажется, уже никому не нужен.* — ***Сочту за честь,** господин барон,* — кланяясь, ответил Рейнгольд. (Ф. Е. Зарин-Несвицкий. Борьба у престола, 1913);

— ***С кем имею честь** говорить?* — задал, в свою очередь, вопрос немец. (Н. А. Островский. Рожденные бурей, 1934-1936);

— *Зачем же вам сейчас подыхать,* — вежливоенько, но со значением в голосе произнесла Татьяна Ефимовна. — *Именно сейчас вам **честь и место.** Наверное, в гору пошли, не так ли?* (Ю. Герман. Дорогой мой человек, 1961).

3) Апелляция к божественному присутствию в этикетном поведении:

Вашими молитвами; Век буду Бога молить за Вас; Бог в помощь; Бог навстречу; Бог на дорогу; Бог на (по) пути; Обнеси Господи; Бог терпел и нам велел; Всё в воле Божьей/Всё в руках Господних; Бог по дороге, а чёрт стороной; Бог на дорогу, Никола в путь.

*Здравствуете ли, сударыня Марья Гавриловна? — ласково спросила у неё мать Манефа. — Как вас Господь Бог милует, всё ль подобру-поздорову? — **Вашими святыми молитвами**, матушка, — отвечала Марья Гавриловна (П. И. Мельников-Печерский. В лесах. 1871-1874);*

*— Храни тебя господь!.. **Бог на дорогу, Никола в путь!** — сказал Чапурин оторопевшему Василью Борисычу. — Ворочайся, голубчик, скорее... Не томи!.. Пожалуйста, поскорее!.. (П. И. Мельников-Печерский. В лесах. 1871-1874).*

*— **Век буду Бога молить за вас, Мариночка!** (В. Рыбаков. Хроники смутного времени. 1998);*

*Пожелал им найти Жюльетту Жан и: «**Бог в помощь**». Они: «К черту! К черту!» (В. Конецкий. Вчерашние заботы, 1979);*

*На вряд!.. — Да как-же быть-то?.. жрать хочется!. — Как быть, терпи!... **Бог терпел и нам велел**... Завтра пообедашь в Сокольниках... — Завтра!... да до завтра-то сколько?.. сутки! помрешь ведь... Утешил: завтра... (С. П. Подъячев. Мытарства, 1903);*

*— Господи Творец Милосердный! (Крестится и вздыхает.) Иван Сидоров (также вздыхая). **Все в руках Господних**, батюшко, — в руках Господних! Муромский. Что ж теперь делать, Иван? Я и ума не приложу. (А. В. Сухово-Кобылин. Дело, 1961);*

Рассмотрим также некоторые устаревшие русские этикетные формулы, которые в XX веке приобрели новые значения, противоположные их первоначальному смыслу. Таковы, например, этикетные формулы *Бог простит* и *Скатертью дорога, лентой ровный путь*. Некоторые устаревшие формулы

при сохранения этикетного ритуала были заменены на более современные. Таковы, например, формулы *Хлеб да соль!*; *чай да сахар*, замененные на формулу *Приятного аппетита!*

Бог простит. Эволюция значения данной формулы рассматривается в [Шаронов 2015]. Автор указывает, что в православной традиции «Бог простит» традиционно означает акт прощения кого-либо в ответ на признание греха и просьбу о прощении. Ср.:

В последний день Масленицы все просят друг у друга прощения, освобождаясь от грехов перед Великим постом: "Прости меня, если виноват" — "И ты меня прости" — "Бог простит". Все это сопровождалось поклонами и поцелуями. (О. Акулова, Г. Арутюнов. "Широкая Масленица" в Москве // "Народное творчество", 2004).

Активная атеитизация в советское время привела к изменению значения формулы. В бытовом общении она стала обозначать нежелание простить извиняющегося.

– «Ну что, что? Я сказала тебе – извини. Что же не отвечаешь?» – «**Бог простит**». – «Ну при чем тут Бог? – голос Брониславы накалялся. – Будешь теперь об меня ноги вытирать, да?» (Р. Солнцев Полураспад. Из жизни А. А. Левушкина-Александрова, а также анекдоты о нем, 2002).

— Простите, Михаил Дмитриевич, но вы поставили меня в ложное положение. — **Бог простит**, — отрезал Скобелев. Он взял у Олексина револьвер, взвел курок. — Жду сигнала (Б. Васильев. Были и небыли, 1988).

Скатертью дорога, лентой ровный путь. Данная формула описывается в словаре А. Г. Балакая в первом значении как просторечная этикетная формула, выражающая значение доброго пожелания уходящему собеседнику счастливого пути. Во втором значении дается уже новое - ироническое и грубое значение безразличия к уходу собеседника после произошедшего конфликта.

— *Хочешь из дому уйти? Уходи, счастливый путь!.. **Скатертью дорога!*** (А. Яшин, «Алёна Фомина», 1951);

— «Если вы не согласитесь со мной, я буду вынужден уехать». — «Ну и уезжай, **скатертью дорога!**» — заорал он (В. Тевекелян. Гранит не плавится, 1977).

Замена *Хлеб да соль!; чай да сахар, Спасибо за хлеб-соль на Приятного аппетита!*

— *Хлеб да соль, — говорит коренной русский человек, приветствуя всех, кого найдет за столом и за едой.* (С. В. Максимов. Куль хлеба и его похождения, 1873);

— *Хозяину и хозяйюшке хлеб да соль!* (И. С. Соколов-Микитов. Детство, 1929-1953);

— *Здравствуйте! Чай да сахар вам, — сказала она. — Милости просим, — степенно ответила Феня.* (А. И. Мусатов. Стожары, 1948);

— *Ну, я – ухожу. Спасибо за хлеб-соль! Ушел.* (М. Горький. Жизнь Клима Самгина. 1928-1935).

Он подвел ее к столу и помог задвинуть за Нинкой стул: — Приятного аппетита. (В. А. Мухарьямов. Брагины, 2009);

— *Приятного аппетита... — Спасибо.* (М. Елизаров. Библиотекарь 2007).

— *Меня предупредили, что в Давосе, особенно перед обедом, надо говорить очень коротко. Поэтому: **приятного аппетита!*** (А. Тарасов. Миллионер, 2004).

Интересно, что в современном персидском языке близкие перечисленным этикетные формулы не устаревают и используются активно. Приведем иллюстративные примеры:

1) Выражение особого уважения по отношению к собеседнику, принижение себя до слуги, своего дома до шалаша.

- به کلبه درویشی ما هم بیاید. -

- (досл.:) **Приходите в нашу хижину дервишей.**

2) Особое отношение к понятию чести, важного как в аристократическом, так и в крестьянском общении.

- گوشم با شماست. چه خدمتی میتونم بکنم؟ -

- Слушаю Вас. **Чем могу служить?**

- باسلام و احترام. -

- **Моё почтение!** (в письменных текстах).

- افتخار صحبت با چه کسی را دارم؟ -

- **С кем имею честь** говорить?

- افتخار می دانم که در خدمت شما باشم -

- **Сочту за большую честь** быть на вашей службе.

3) Апелляция к божественному присутствию в этикетном поведении:

- تا زنده ام دعوات میکنم. تا آخر عمرم دعوات میکنم. -

- (досл.:) **Я молюсь, пока я живу. Я буду молиться за тебя всю оставшуюся жизнь.** (Век буду Бога молить за Вас!)

- خدا قوت. از صبح داری تو باغچه کار میکنی. خسته شدی! بیا چای بخوریم. -

- **Бог в помощь.** Работаешь в саду с утра. Ты устал! Давай пить чай.

- برو، خدا به همراهت. خدانگهدارت. -

-**Иди, Бог с тобой. Пусть Бог сохранить тебя.** (Бог на дороге).

- همه چیز دست خداست، همه چیز خوب میشه. -

- **Всё в руках Господа,** всё будет хорошо.

Таким образом, можно видеть, что многие формулы русского речевого этикета и концепты, лежащие в их основе, были до середины XX века близки в определенном отношении этикету персидскому, однако это сходство осталось в прошлом.

3.3. Различия между современными русскими и персидскими этикетными формулами.

Ситуации речевого этикета в российском и персидском языках в основном совпадают, однако этикетные формулы имеют серьезные отличия. На выбор той или иной формулы активно влияют такие социальные факторы, как общественный положение, возраст, род, официальность / неофициальность общения. Рассмотрим некоторые языковые способы соотнесения современного русского этикета и Таарофа при вступлении в контакт и при поддержании контакта.

1. Обращение.

В русском языке в процессе исторических преобразований богатство форм обращения постепенно ушло в прошлое. Устарели вокативы *сударь, сударыня, гражданин, товарищ*. В современном русском языке для вступления в контекст с незнакомым человеком наиболее регулярно используются формы: *Молодой человек!, Мужчина!, Девушка! Женщина!*, а также при контакте глаз: *Извините, Простите!* Обращений, основанных на наименовании профессий, очень немного: *водитель, доктор, сестра (медсестра), товарищ капитан, брат (прост.), пассажиры, коллеги, ребята* и некоторые другие. Проблема обращения в русском этикете – одна из больших и пока не решенных.

В отличие от современных русских форм в Иране принято при обращении к человеку независимо от его возраста и пола называть мужчину *господин*, а женщину соответственно – *госпожа*. Слово *господин* и *госпожа* следует до или после фамилии. К людям обращаются с указанием должности и социального статуса, социальной роли, положения, звания. Старшие по

возрасту или по положению обращаются к младшему по фамилии. Ученики тоже между собой обращаются друг к другу по фамилии. Студенты традиционно обращаются к преподавателю: *профессор (учитель)!* В некоторых иранских семьях пожилая жена также величает по фамилии своего мужа.

В современном русском языке нет традиции словесно принижать себя в этикетной коммуникации. Правда, в последнее время становится популярным устаревшая русская формула, используемая в шутливых контекстах: *ваш покорный слуга*, но она произносится шутливо-иронически [Zia-Hosseini 2009].

В персидской этикетной коммуникации вместо местоимения «من» (я) для понижения себя относительно слушающего употребляются такие формы как «چاکر» (слуга), «مخلص» (досл.: *искренний человек. Слуга*), «حقير» (досл.: *скромный человек. Слуга*), «بنده» (досл.: *раб. Слуга*). При обращении к адресату срабатывает стратегия, аналогичная русской, используемой только в формальном общении: с целью выражения вежливости вместо местоимения «تو» (*ты*) регулярно используют местоимение «شما» (*Вы*), а глагол спрягается во множественном числе «... شما فرمودید که» (*Вы сказали, что...*) [Ахмади 2022].

В письменных иранских текстах существуют особые этикетные формулы, не встречающиеся в русском этикете. Например, объявления газет и журналов с поздравлениями и соболезнованиями, а также официальные тексты традиционно начинаются с оборота: *بِسْمِ تَعَالَى*. (*Во имя Всевышнего!*). Ниже справа указывается должность получателя, используется слово *господин* или *госпожа такой/ая-то*. Текст письма начинается с обращения к адресату... *سرکار خانم / جناب آقای / دژنابۀ آگاه / سارکار خانومه...*, которые можно приблизительно перевести как *Уважаемый(ая)* или *Глубокоуважаемый(ая)* [Ахмади 2022].

Для иллюстрации необходимости прагматического подхода в адекватном переводе В таблице 2 представлены русские и персидские стереотипные этикетные формулы, используемые при неожиданной встрече.

Ряд формул, связанных с удивлением говорящего при неожиданной встрече в русском и персидском языках совпадают, однако несколько русских и персидских этикетных формул перевести на другой язык дословно нельзя. Здесь приходится подбирать прагматически эквивалентный аналог.

Таблица 2.

Русские клише	Персидские эквиваленты (дословные совпадения и аналоги)
Мир тесен!	دنیا چه کوچیکه!
Легок на помине!	چه حلال زاده! حلال زاده است! Как законные (родились).
Какая встреча!	چه ملاقاتی!
Кого я вижу!	(بین) کی رو میبینم!
Вот неожиданность!	اصلا انتظارش رو نداشتم!
Каким ветром сюда вас занесло?	آفتاب از کدام طرف درآمده? راه گم کردی? С какой стороны всходило солнце? Заблудился/ась?
Сколько лет сколько зим!	پارسال دوست امسال آشنا!، چه عجب! В прошедшем году друзьями, в этом году знакомы!
Вот так / это встреча!	به به چه ملاقاتی! عجب ملاقاتی!
Ты жив? Кого я вижу? Ты ли это? Да, ты ли это? Это ты?	زنده ای؟ بین کی اینجاست؟ خودتی؟ واقعا خودتی؟ تویی؟
Как ты здесь оказался? Как ты сюда попал?	تو از کجا پیدات شد؟ چطور از اینجا سردر آوردی تو؟
Кого- кого, но тебя не ждал встретить!	انتظار دیدن هر کسی رو داشتم جز تو!

Давно мы с тобой не виделись!	خیلی وقت بود همو ندیده بودیم!
Давненько мы не виделись!	خیلی وقت بود همو ندیده بودیم!
Как давно я не видел тебя!	خیلی وقت بود ندیده بودمت!
Я очень давно не видел тебя!	خیلی وقت بود ندیده بودمت!
Сто лет не виделись!	صد سال میشه همدیگرو ندیدیم!
Целую вечность не виделись!	یه عمره همدیگه رو ندیدیم!
Не ожидал тебя встретить здесь!	انتظار نداشتم تو رو اینجا ببینم!
Не думал тебя встречу здесь!	فکرشم نمیکردم تو رو اینجا ببینم!
Кто бы мог подумать, что встречу тебя здесь!	کی فکرشو میکرد اینجا ببینمت؟ فکر نمیکردم، انتظار نداشتم اینجا ببینمت!
Не думал, не ждал тебя встретить здесь!	
Какими судьбами?	چه تصادفی? Какое совпадение!

Прагматический подход не всегда дает полной адекватности, но с этим приходится мириться, поскольку полной культурной переводимости достичь, как известно, невозможно. Целый ряд русских и персидских этикетных формул нельзя перевести дословно. Чтобы подбирать к ним прагматический аналог, необходимо учитывать степень активности (неустарелости) использования единицы, ролевую характеристику собеседников (возраст и пол), а также ее регистр.

Как можно заметить, этикетные формулы состоят как из однословных, так и из устойчивых неоднословных оборотов, которые в лингвистике принято относить к области фразеологии.

3.4. Фразеологическая теория и формулы речевого этикета.

Рассмотрим этикетные формулы с позиций фразеологической теории, основываясь на работах В.В. Виноградова, Н.М. Шанского и И.А. Мельчука [Виноградов 1977,1947; Шанский 1985; Мельчук 2007].

Большая российская энциклопедия определяет фразеологические единицы как связанные сочетания, характеризующиеся устойчивым составом, грамматическим построением и значением, не выводимым из семантики их компонентов [БРЭ 2017].

В. В. Виноградов разделил такие устойчивые сочетания русского языка на фразеологические сращения, единства и сочетания [Виноградов 1977]. Н.М. Шанский расширил классификацию, добавив в нее фразеологические выражения [Шанский 1985], включающие шаблонные сочетания, пословицы, поговорки и крылатые слова.

Устойчивость перечисленных групп фразеологизмов достигается на основе разных критериев: целостности значения, лексической связанности и стереотипности употребления. Критерий целостности значения заключается в семантической неразложимости компонентов, из которых состоит значение фразеологизма. Целостность значения фразеологизма достигается либо полной / частичной десемантизацией компонентов с утратой мотивированности: *точить лясы – болтать.*; либо полным / частичным переосмыслением компонентов с сохранением мотивированности: *нюхать порох – воевать, участвовать в бою; перегибать палку – впадать в излишнюю крайность.*

Критерий лексической связанности состоит в сочетаемостных ограничениях компонентов сочетания. Прилагательные *гнедой, буланый, вороной* сочетаются только со словами *конь; лошадь, кобыла: карими*, в отличие от более распространенного синонима этого слова *коричневые* – могут быть только *глаза* или *очи*. и т. д. И.А. Мельчук считает устойчивость фразеологизма стопроцентной, если компонент сочетания может сочетаться

только с одним компонентом, например, как в сочетании *притча во языцех*. [Мельчук 1999].

Критерий стереотипности заключается в систематическом, привычном использовании сочетания в речи. К подобным фразеологизмам причисляют свободные сочетания, в силу этого сохраняющиеся в памяти как целостные единицы. *Моя хата с краю, в настоящий момент, мало не покажется, вишенка на торте* и т. д. На основе перечисленных свойств в русистике была принята классификация фразеологизмов.

Фразеологическими сращениями называют лексически единые выражения, обобщенно-целостное значение которых никак не обуславливается смыслом элементов его частей. Их значение не мотивировано с позиций синхронного описания, их элементы лексически опустошены, десемантизированы. К сращениям относятся фразеологизмы: *бить баклуши; была не была; из рук вон; как пить дать; себе на уме; собаку съел (в чем-нибудь)*. В некоторых сращениях грамматические формы компонентов, их связи друг с другом не могут быть объяснены с точки зрения современных грамматических норм *куда ни шло; ничтоже сумняся (сумняшесь); шутка сказать*.

Фразеологическими единствами называют лексически устойчивые выражения, целостность значения которых отчасти мотивирована семантикой их компонентов. К ним принадлежат фразеологизмы: *бить ключом; брать в свои руки; белая ворона; вылететь в трубу; держи карман!; взять за бока держать камень за пазухой; кровь с молоком; закидывать удочку; под занавес; положить зубы на полку; плыть по течению; ума не приложу!* и т. д.

Фразеологические единства имеют мотивированность благодаря образности; данным свойством они отличаются от сращений, генетическая выразительность которых, как правило, «тусклая», лишенная немотивированности. Мотивированность дает возможность перейти при интерпретации от буквального значения к переносному. Ср., например,

закидывать удочку – в прямом значении – пытаюсь поймать рыбу и *закидывать удочку* – намекать на что-либо, пытаюсь получить что-либо от собеседника; *плыть по течению* – в прямом значении и *плыть по течению* – пассивно следовать ходу вещей, не проявляя инициативы.

Фразеологическими сочетаниями называют связанные выражения, в составе которых есть компонент с ограниченной сочетаемостью. Например, прилагательное *щекотливый* сочетается со словами: *вопрос, положение, обстоятельство, ситуация*.

Фразеологические выражения объединяют свободные обороты, штампы, стереотипно используемые в речи и потому хранящиеся в памяти носителей языка как целостные единицы: *старожилы не упомнят, произвело эффект разорвавшейся бомбы; вызвало широкий резонанс; никого не оставило равнодушным*. К фразеологическим оборотам относятся также поговорки, пословицы, клише, терминологические сочетания: *с чувством, с толком, с расстановкой; свежо предание, а верится с трудом* и т.д.

К фразеологическим выражениям необходимо причислить и частотные коммуникативные формулы, так называемые прагматемы (Мельчук, Иорданская 2007). Прагматемы – это краткие выражения или даже грамматически фиксированные однокомпонентные реплики, жестко привязанные к узнаваемой коммуникативной ситуации. *Пристегните ремни* (о пассажирах самолета), *соблюдайте тишину* (библиотека), *осторожно, двери закрываются* (вагон метро), *кругом!* (военная команда) и т.д. Эти единицы изучаются в рамках теории речевых жанров и в дискурсивных теориях.

Диалог, как главная форма социального взаимодействия, рассматривается в современной лингвистике как высокоструктурированная деятельность [Coulmas 1981]. Значительная часть коммуникативной деятельности в диалоге складывается из уже готовых воспроизводимых «блоков», разговорных фразеологизмов. Мы ежедневно приветствуем друг друга, расстаемся, оправдываемся, проявляем признательность,

перебрасываемся пожеланиями, осуществляем требования и т. д., используя те или иные реплики. Если схожие речевые условия повторяются, говорящие имеют все шансы применять схожие формулировки. Многочисленные последовательности в диалогической речи стереотипизируются, обретают конфигурацию речевых стереотипов. Ч. Фергюсон показывает, что стандартизированные высказывания – это многофункциональное явление языковых культур [Ferguson 1976]. Ф. Кулмас утверждает, что значительная доля словесного взаимодействия складывается из стандартных языковых формул [Coulmas 1981]. Наиболее яркий образец таких стандартных формул – этикетные формулы, которые применяются в фатической коммуникации. *Какая встреча! Как дела? Сто лет не виделась! Увидимся, До свидания, Господи боже мой! Премного благодарен. Приятно познакомиться. До завтра, Удачи!* а также прочие.

Ф. Кулмас пишет, что частота повторяемости фразы и ее значимость обратно пропорциональны: чем чаще оборот используется в речи, тем меньше остается в нем буквального значения [Coulmas 1981]. Важным оказывается прагматический смысл реплики, ее место в ходе дискурсивного обмена. Десемантизация и прагматикализация этикетных формул отражается в их грамматических, лексических и семантических трансформациях. Мы приветствуем друг друга, автоматически желая здоровья (*Здравствуйте!*) или сообщая информацию о времени суток (*Доброе утро / день / вечер!*). Независимо от семантики эти формы являются фатическими синонимами, поскольку выступают в одной дискурсивной позиции и передают один интенциональный смысл.

С точки зрения идиоматичности конструкции списки формул речевого этикета могут быть рассмотрены как идиомы, фиксированные сочетания, так и фразеосхемы, то есть конструкции с фиксированной частью и свободной валентностью [см.: Шаронов 2021]. И.А. Шаронов пишет, что одни единицы представляют собой застывшие законченные формулы: *Привет; Извините; Спасибо!* Другие – скорее модельные грамматические конструкции с

открытыми синтаксическими позициями, которые могут заполняться теми или иными лексическими средствами. К последним относится, например, ряд формул со значением просьбы, который приводится в пособиях по русскому речевому этикету наряду с другими интенциональными группами:

Вы (ты) (не) хотите (хочешь) + Inf.

Вы (ты) (не) согласитесь + прийти...? зайти...?[Там же].

По мнению И.А. Шаронова, называть фразеосхемы стереотипными этикетными формулами не совсем правильно. В лингвистике такие синтаксические структуры описываются в теории малого синтаксиса (см. работы Иомдин 2003, Подлеская 2007 и др.).

Основное семантическое отличие фразеосхем от этикетных формул заключается в том, что они служат не только средством регулирования отношений между собеседниками, но и привносят в разговор конкретное информативное содержание, в случае речевых актов просьбы передают объект желаемого действия. Таким образом, формулы, выражающие просьбу, – это ряд этикетно-обусловленных информативных конструкций.

Для словарного описания интересны прежде всего идиомы.

Составление списков собственно формул речевого этикета (этикетных идиом) проводится автором статьи традиционно, по интернациональному принципу. Различается подкласс контактоустанавливающих формул «этикетной рамки», то есть реализующих плавный, гармоничный вход в диалог и выход из него, и подкласс контакта поддерживающих «внутри диалоговых» формул, реализующих бесконфликтное протекание диалога, способствующих решению коммуникативных задач и сохранению гармоничных, дружеских или нейтральных отношений между собеседниками.

Этикетные формулы формально состоят из одного или из нескольких грамматически и синтаксически фиксированных компонентов, это несвободные сочетания слов. В этом отношении этикетные формулы могут быть описаны как фразеологические единицы.

Этикетные формулы полезно рассмотреть с позиций фразеологической теории в связи с проблемой их перевода на другие языки.

3.5. Проблемы перевода этикетных формул

Как и прочие, единицы фразеологической системы этикетные формулы представляют большую проблему для перевода на другой язык. Л.С. Бархударов рассматривает перевод с позиций семантики как «процесс преобразования речевого произведения на одном языке в речевое произведение на другом языке при сохранении постоянного плана содержания, то есть значения» [Бархударов 1975: 11]. Многие языковеды, в этом числе В. Вильс, полагают, что передавать только значение недостаточно, перевод должен сохранять и по возможности передавать максимально точный образ оригинала [Швейцер 1988: 70-72]. В языковедческих исследованиях уделено достаточно внимания способам перевода фразеологических единиц с позиций их идиоматичности. Определяются четыре способа перевода фразеологических единиц [см.: Дмитриева и др. 2005, Комиссаров 2013]:

1. Способ поиска фразеологического эквивалента
2. Способ поиска фразеологического аналога
3. Способ дословного перевода, или калькирования
4. Способ поиска описательного аналога.

Мы исходим из того, что традиционный перевод этикетных формул только на основе их интенционального значения (например, приветствие переводить приветствием) недостаточно. Для поиска адекватного аналога на другом языке необходимо предварительное исследование их фразеологического статуса, их трансформации на базе сопоставления прямого и переносного значений, приводящих к возникновению их прагматических значений.

Под прагматикой в переводе фразеологических единиц принято понимать коммуникативное соответствие диалогической ситуации ролям

собеседников и регистровые характеристики. Многие элементы этикетных формул утрачивают грамматические, синтаксические свойства составляющих их компонентов. Для иностранца, ориентирующегося на классические принципы интерпретации выражения через грамматику и лексику, бывает сложно распознать значимость этикетных формул и отыскать им прагматически оптимальный аналог.

Рассмотрим некоторые преобразования, которые происходят со словом, являющимся компонентом речевой формулы. Русские формулы приветствия и прощания *Здравствуйте!* и *Прощайте!* построены в основе императива. При переходе в этикетную формулу императивы утрачивают грамматическое значение побуждения. Известно, что императивная форма способна иметь при себе деепричастный оборот. Например, *Открыв окно, не забудьте его закрыть*. В стихотворении А.С. Пушкина «К Лицею» есть строчки [Пушкин 1959]:

*Усердно помолвившись Богу,
Лицею прокричав «Ура»»,
Прощайте, братцы, мне в дорогу,
А вам в постель уже пора.*

В данном стихотворении автор нетрадиционно использует формулу прощания, что служит диагностическим указателем: этикетная формула не может иметь при себе деепричастного оборота, даже если построена на базе императивной формы глагола.

Стереотипные этикетные формулы часто теряют некоторые свои компоненты, сокращаясь при частом употреблении. Например, формулы прощания *бывай, будь* являются сокращениями формулы *Бывай/ Будь здоров!»!* Они используются как неформальные, чаще молодежные формулы. Те или иные этикетные формулы могут использоваться не всеми членами

социума, а только той или иной частью его. И это является важным фактором их использования и поиска их эквивалента.

При поиске эквивалентов в другом языке мы должны проводить контрастивные исследования с учетом культуры языка перевода, ориентироваться и на семантику формулы (дословный перевод), и на ее прагматику, и ее стилистические (временные, регистровые) характеристики. Аналоги русских этикетных формул в фарси можно разделить на несколько их подвидов.

1. Встречаются случаи полного совпадения:

Например, приветствие: *доброе утро* صباح بخیر, *добрый день* روز بخیر; *добрый вечер* عصر بخیر .

2. В одном из языков может быть представлена сокращенная формула, а в другом – полная.

Например, общераспространенная этикетная формула звучит: شما خوبی؟, дословно: ‘*Вы хорошо?*’ с упущенным компонентом «поживаете». В русском языке этой формуле соответствует *Как поживаете?* Но в русском языке использование данной формулы несколько ограничено – это скорее формальный этикетный вопрос. Молодые люди эту формулу не используют. Потому адекватным будет каждый раз новый вариант: формальный: *Как ваши дела?*, неформальный: *Как сам?* и некоторые другие.

3. При поиске аналога необходим учет стилистики и временной отмеченности. Например, персидская формула: سلام درود- в двуязычных словарях переводится как *Привет!* (Русско-персидский словарь: Грант Восканян). Такой перевод стилистически неточен, поскольку русская формула является распространенной и неформальной, а персидская является сильно устаревшей, используется только старшим культурным поколением. Аналогом русского языка может быть также устаревшая формула – *Мое почтение*. Формула سلام عليكم، سلام عليك традиционно переводится дословно как: *Приветствую вас!* Однако эта формула более формальная, чем

персидская. Поэтому представляется, что при переводе стилистически правильнее использовать: *Здравствуйте!*

4. При поиске аналога необходим учет возможных прагматических отличий.

Например, персидская формула (مزاج مبارک سالم است؟) дословно переводится: *Как Вы себя чувствуете?* Точный аналог этой формулы есть в русском этикете, однако прагматически эти формулы не совпадают. Формулой *Как Вы себя чувствуете?* обращаются в России к больным людям.

Близкая ситуация с формулой *حال شما چطور است؟* (дословно) *Как ваше здоровье?* Она также имеет аналог в русском языке, однако в отличие от иранской культуры, где она общераспространенная, русская имеет прагматические ограничения. В России с таким вопросом обращаются обычно друг к другу пожилые люди.

5. В некоторых случаях между формулами двух языков не может быть вообще никакой близости. И тогда приходится искать похожий по тематике и по прагматике эквивалент.

Например, формула приветствия *Сколько лет, сколько зим!* Имеет персидский эквивалент: *پارسال دوست امسال آشنا!* Дословный перевод: *В прошедшем году друзьями, в этом году знакомы!*

Каким ветром сюда вас занесло? Имеет персидский эквивалент: *آفتاب از کدوم طرف درآومده؟* *С какой стороны восходило солнце?*

Многие стереотипные персидские формулы в русском языке вообще не имеют эквивалента. При дословном переводе они не будут понятны для русских. Например, формула: *یک خانه ی درویشی داریم.* дословно: *У нас есть дервишская³ хижина* служит для приглашения в дом. А ответная реплика: *خانه ی شما – خانه ی امید ما.* *Ваш дом – дом нашей надежды* является стереотипной этикетной формулой вежливого отказа от приглашения зайти. Отдаленным аналогом рассмотренной персидской формулы приглашения можно считать

³ Дервиш - человек, у которого не так много имущества, но он щедр.

не очень распространенную и уже устаревшую русскую формулу *Прошу к нашему шалашу*. Эта формула отмечается в словарях, однако она практически исчезла из использования в современном русском языке.

Следует отметить, что в персидском языке принято приветствовать расширительно, сразу несколькими близкими формулами. После *привет, здравствуйте* обычно говорят и другие формулы, такие как *доброе время, доброе утро, добрый день, добрый вечер*. Например:

а) *Привет! Добрый вечер! Как дела?*

в) *Привет! Добрый вечер! Спасибо, хорошо. Как сам?*

Использование таких цепочек формул рассматривается как своего рода риторика вежливого общения. Они лишены своего буквального значения и представляют собой просто наборы фатических клише. В русском языке эти формулы заменяют друг друга и вместе употребляются не так часто.

Некоторые этикетные формулы, отраженные в словарях фразеологизмов, в Словаре речевого этикета [Балакай 2004] и в двуязычных словарях, практически полностью вышли из употребления. К таким относится, например, этикетная формула ***Бог (в) помощь***. Фразеологический словарь русского литературного языка А. И. Федорова [Федоров 2008.] указывает: «Бог в помощь — *устар., прост.* В речевом этикете: пожелание кому-либо успеха в труде». Примеры употребления находим в НКРЯ в основном только в XIX веке.

Бог в помощь! Как ловится? — Всего один карась! [Н. А. Некрасов. «Кому на Руси жить хорошо»].

Как видно из примера, эта формула является приветствием работающего, занимающегося чем-либо человека. Эта этикетная формула имеет буквальный аналог в фарси, который активно используется в настоящее время: ***خداقوت***. Однако используется эта этикетная формула несколько отлично от русской. В персидском языке ***خداقوت*** обычно

используется не только во время, но и после физической работы. Такие прагматические нюансы требуют специального указания. Близким синонимом к рассматриваемой персидской формуле является формула *خسته نباشید* «*не уставайте*». Надо отметить, что клише *Не уставайте* — одно из наиболее часто используемых в течение дня клише как для начала, так и для завершения общения. Две эти формулы: «*خدا قوت*» и «*خسته نباشید*» могут быть использованы вместе при встрече работающего знакомого человека, например: при просьбе указать дорогу можно обратиться к незнакомому работающему на улице человеку следующим образом:

سلام استاد! خسته نباشید! خدا قوت! می‌دونید مدرسه کجاست؟
Не уставайте, Бог в помощь! Вы не знаете, где находится школа?

Этикетная формула *خسته نباشید* может применяться в более широком наборе ситуаций. Например, студент, входя в комнату преподавателя, может сказать: *سلام استاد! خسته نباشید! میشه گزارش من را امضا کنید؟*

- *Здравствуйте, преподаватель! Не уставайте! Можно ли подписать мой отзыв?* Другая ситуация: За несколько минут до окончания пары студенты, чтобы попросить преподавателя закончить лекцию чуть раньше, также говорят: *سلام استاد! خسته نباشید! میشه گزارش من را امضا کنید؟* *Не уставайте, преподаватель.* На русский язык перевести эту формулу следует, видимо, как: *Извините!* Поскольку формула извинения используется русскими для вступления в контакт с незнакомым человеком, или для неожиданного для собеседника / собеседников вторжения в чужую беседу.

Перевод на русский язык некоторых персидских устойчивых формул требует особого внимания. Например, формула при прощании:

اغور بخیر! - устарела, используется только в деревнях и встречается в классических текстах. Это словосочетание входит в группу фразеологических сращений, дословно перевести эту формулу невозможно, можно только найти ее отдаленный эквивалент: *Счастливого пути!*

Формула приветствия при встрече гостя и прощания с ним – тоже фразеологическое сращение: *بنده نوازی فرمودی.د*. Дословный перевод: *Вы погладили своего раба!*). Отдаленными аналогами можно считать формулы: *Ваш приход для нас большая честь!; (Были) очень рады Вас видеть!*

В качестве еще трех примеров приведем устойчивые формулы прощания, содержащие искренние добрые пожелания говорящего в адрес слушающего:

Выражение *دست حق یرت!* - (досл.: *Рука Бога с тобой*) в смысле «Желаю, чтобы с Вами обходились по справедливости». Отдаленным может быть перевод: *С Богом!*, используемый старшим поколением при отправлении человека на рискованное мероприятие.

Выражение *ازت زیاد! / عزت زیاد!* (досл.: *Величий много*). Русский аналог: *Почет Вам и уважение!* в современном русском языке практически не употребляется, как и формула *با احترام* (досл.: *Мое почтение!*), которая также вышла из речевого обихода;

Выражение *خیر پیش!* (досл.: *Благодать с Вами!*) на русский можно было бы перевести как: *Желаю здравствовать!*, но эта формула, в отличие от персидской, абсолютно устарела, поэтому лучше ее переводить как: *Всего хорошего / доброго!*

Большинство персидских формул похоже на перечисленные выше, их невозможно дословно перевести дословно на русский язык, при переводе нужно учитывать стилистические и прагматические условия употребления единицы.

Приведем наиболее частотные этикетные формулы персидского речевого этикета с дословным переводом и указанием на ситуацию использования.

Таблица 1.

آفتاب از کدوم طرف بیرون اومده؟	پات رو برداری مارو می بینی.	اگه خدا بخواد میایم / اگه خدا قسمت کنه میایم.
--------------------------------	-----------------------------	---

<p><i>С какой стороны восходило солнце?</i></p> <p>Выражение удивления при неожиданной встрече, когда кто-то заходит к вам спустя долгое время.</p>	<p><i>Сними ноги, и ты увидишь нас.</i></p> <p>Выражение смирения при неожиданной встрече, в ответ на вопрос: Где Вы? Давно не виделись!</p>	<p><i>Если Бог пожелает, будем / Если Бог хочет, будем.</i></p> <p>Выражение согласия в ответ на приглашение на вечеринку.</p>
<p>خوش اومدين</p> <p><i>Добро пожаловать</i></p> <p>خانه خودتان هست.</p> <p><i>Это ваш собственный дом.</i></p> <p>راحت باشيد.</p> <p><i>Будете удобным.</i></p> <p>Приветствие хозяина дома при приеме гостей.</p>	<p>پارسال دوست امسال آشنا.</p> <p><i>В прошедшем году друзьями, в этом году знакомы.</i></p> <p>Выражение удивления при неожиданной встрече.</p>	<p>انشالله دفعه ديگه / انشالله در فرصت های بعدی.</p> <p><i>Даст Бог, в следующий раз / Даст Бог, при следующих возможностях.</i></p> <p>Отказ от приглашения.</p>
<p>دست بوسه.</p> <p><i>Целует Вашу руку.</i></p> <p>Приветствие в ответ на вопрос о делах детей.</p>	<p>توفيقیه که نصیب بنده شده.</p> <p><i>Это благословение, которое было дано мне.</i></p> <p>Выражение радость от встречи с кем-либо.</p>	<p>امری نیست؟</p> <p><i>Нет приказа? (Нет никакого дела со мной? В значение могу ли я уйти?)</i></p> <p>Прощание.</p>
<p>دم در بده.</p> <p><i>Рядом с дверью плохо.</i></p> <p>Приглашение в гости.</p>	<p>تشریف بیارید.</p> <p><i>Пожалуйста, приходите.</i></p> <p>Приглашение в гости.</p>	<p>بفرمایید بریم خونه.</p> <p><i>Пожалуйста, приходите к нашему дому.</i></p>

		Приглашение в гости.
راضی به زحمت نیستیم. (رحمتید نه زحمت.) <i>Мы не удовлетворены тем, что вам тяжело (Реплика: Вы милость, а не бремя.)</i> Отказ от приглашения в гости.	جاشون سبز. <i>Их место зеленое.</i> جاشون خالی نباشه. <i>Их место не будет пустым.</i> جای فلانی سبز. <i>Место кого-то зеленое.</i> Воспоминания (напоминание) друзей и семью, которых нет на вечеринке.	بدون شما که خوش نمی‌گذره. <i>Проводить время без вас не приятно.</i> Настаивание на приглашении в гости после отказа приглашения.
زیر سایه شما. Приветствие в ответ на вопрос: где ты?	زحمت نکشید. <i>Не утруждайте себя.</i> Прием гостей отговорить хозяина дома от общепита.	بچه‌ها رو ببوسید. <i>Поцелуйте детей.</i> Прощание.
سلام برسونید. <i>Передай привет.</i> سایه‌تون مستدام. <i>Ваша тень постоянно.</i> سایه‌تون بالا سر ما باشه. <i>Пусть ваша тень будет над нами.</i>	یه سری هم به ما فقیر فقرا بزینید. <i>Зайти к нам беднякам.</i> Приглашение в гости.	نمک نداره بفرمایید. <i>(в еде) Нет соли⁴, пожалуйста!</i> Приём гостей настойчивость кушать. (в значение: Ты не будешь должник.

⁴ Иранцы считают хлеб и соль священными, и люди не должны предавать друг друга после того как отведали их еды. Они в долгу перед владельцем соли.

Прощание.		Настаивание хозяев при приеме гостей.
شما مراحمید. <i>Вы милосердны</i> Приветствие при приеме гостей в ответ на извинение за беспокойство.	چای بخوریم یا خجالت؟ <i>Чай пьем или стыдимся?</i> Выражение благодарности при приеме гостей.	بزرگیتون رو میرسونم. <i>Я передаю ваше величие.</i> Прощание в ответ на передачу приветия.
قدم رنجه فرمودید. <i>Ваш шаг устал.</i> Приветствие при приеме гостей.	خدمت می رسیم. <i>Мы приезжаем на службу.</i> Выражение согласия и отказа в ответ на приглашение в гости.	به بزرگی خودتون ببخشید. <i>Прости меня, за свое величие.</i> Извинение.
گوشت بشه به تنت. <i>Пусть это будет мясо для вашего тела.</i> گوارای وجود. <i>На здоровье.</i> Приём в гости.	عجب جمال شماست (در جواب چه عجب!) <i>Это твое лицо сюрприз (в ответ на: Какой сюрприз!)</i> Выражение удивления при неожиданной встрече.	قدمتان روی چشم <i>Ваш шаг на наших глазах.</i> قدمتان روی تخم چشم ماست. <i>Ваш шаг на наших зеницу ока.</i> Приглашение в гости.
کلبه محقری است. <i>Это скромная хижина.</i> کلبه درویشی است. <i>Это хижина дервишей.</i>	چی شد سری به فقیر فقرا زدید. <i>Что случилось, вы посетили бедных из бедных.</i> Приветствие.	

<p>Выражение смирения и преуменьшение своего имущества в ответ на комплемент дому.</p>		
--	--	--

Как можно видеть, персидский речевой этикет наполнен пафосным фатическим содержанием. Н.И. Формановская пишет о том, что фатическая функция речевого этикета воплощается в разветвленной сети обращений, приветствий, осведомлений о жизни, делах, здоровье – во всем разнообразии начальных фатических реплик и всевозможных вариантов поддержания контакта принятым в данном обществе способом [Формановская 2009]. Изучение этих различий в формулах русского и персидского речевого этикета помогает лучше узнать язык и культуру обеих стран. Дословный перевод этикетных реплик может приводить к затруднениям в понимании и коммуникативном взаимодействии. Наиболее правильным при переводе этикетных реплик можно считать прагматический подход стилистического соответствия реплик в определенной этикетной ситуации.

Выводы по главе 3

Речевой этикет может быть рассмотрен как систематизированный набор стереотипных коммуникативных формул, используемых для проведения успешного речевого взаимодействия при учете социальных и ситуативных ролей. В этикетных формулах находят выражение базовые свойства коммуникативной культуры. Полноценного системного описания русских этикетных формул в диахронии и синхронии пока не существует. Современный русский речевой этикет сильно отошел от патриархальной коммуникативной культуры, что проявилось в смене большого ряда этикетных формул, обслуживающих коммуникативное взаимодействие. Многие пафосные формулы, передающие такие понятия, как *честь, служба, слуга, бог* и т.д., устарели или используются саркастически. Сопоставление современных русских этикетных формул с персидскими выявляет сильные различия при том, что по сравнению с патриархальным русским этикетом таких различий было меньше.

Этикетные формулы ввиду стереотипизированности их употребления и фиксированности формы можно рассматривать с позиций фразеологии как идиомы, требующие при переводе прагматического подхода, поиска ситуативных и стилистических аналогов.

Культурно-национальные традиции сформировали хранящие важную прагматическую информацию этикетные формулы, требующие осторожного, детального объяснения носителям других языковых культур для того, чтобы грамотно применять их.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В диссертационной работе на основании исследования этикетного поведения современных носителей русской коммуникативной культуры на фоне персидской находит обоснование утверждению о лишь частичной универсальности выдвинутых в классических работах принципов категории вежливости, их трансформации в национальными культурами, что отражается в национально-специфичных правилах речевого этикета каждого народа.

Этикет рассматривается как набор правил и норм поведения, часто неписанный кодекс, который носитель языка усваивает вместе с культурой. В работе на основании анализа примеров из устной речи, типовых диалогов, связанных с этикетными стратегиями поведения в ситуациях приглашения, приветствия и комплимента демонстрируются модели гармоничного общения, отражающие национально-культурную специфику менталитета русского народа, которые образуют в речевом этикете особую систему смыслового и стилистического общения и отражают национально-культурную специфику русского менталитета.

Детально рассмотрены вопросы, касающиеся связи русского национального характера с типом коммуникативного поведения. Выявляются такие свойства национального характера как непосредственность выражения эмоций, искренность, непосредственность и эмоциональность русского коммуникативного поведения. Русское национально-культурное своеобразие речевого этикета ярче высвечивается на фоне персидского речевого этикета, основанного на основаниях системы Таарофа, предполагающего ритуализованный ролевой подход в бытовой коммуникации. Различия в этикетных моделях поведения необходимо изучать для гармонизации межкультурных связей.

Особое внимание в работе уделено анализу этикетных формул как проявления социальной стереотипизации в речевой коммуникации. Было продемонстрировано, что этикетные формулы в большинстве случаев десемантизированны и прагматически обусловлены. Культурно-национальные

традиции сформировали конкретные стандарты, зачастую требующие осторожного, детального объяснения их носителям других языковых культур для того, чтобы те умели грамотно применять их и находить прагматически адекватные эквиваленты. Контрастивное изучение этикетных формул важно в первую очередь для последующего обучения речевому этикету зарубежных учащихся. Этикетные формулы описаны пока недостаточно полно с позиций их дискурсивного применения. Для практических нужд обучения русскому языку иностранцев полезно исследовать современный повседневный язык в разных сферах и средах общения, показав национально-культурные различия между русскими и представителями других коммуникативных культур, в частности, персидской коммуникативной культуры.

Патриархальное русское этикетное поведение, уходящие черты которого еще можно обнаружить в крестьянском гостеприимстве, обнаруживают некоторые сходства с персидским этикетным поведением. На материале записей устных диалогов русского и персидского языков продемонстрировано современное коммуникативное поведение в этикетных ситуациях приглашения в гости и поведения в гостях выявленные общие и различающие стратегии поведения свойства двух коммуникативных культур. специальный параграф посвящен контрастивному анализу этикетной ситуации комплимента в русском и персидском языках, отмечены различия, заключающиеся в пафосной и поэтической доминанте характера персидских комплиментов.

Анализ устаревших этикетных формул русского языка на материале словаря А. Г. Балакая «Словарь русского речевого этикета» наглядно демонстрирует, что базовые свойства современной российской коммуникативной культуры сильно удалились от патриархальной коммуникативной культуры. Многие пафосные формулы, передающие такие понятия, как *честь*, *служба*, *слуга*, *бог* и т.д., устарели или используются саркастически.

При общей схожести этикетного поведения, соблюдении общих принципов вежливости очевидны и отличия между этикетным поведением в

двух рассматриваемых культурах. В позиции персидской речевой культуры русское коммуникативное поведение может показаться категоричным и не всегда вежливым. С позиций русской речевой культуры персидская вежливость может показаться слишком пафосной. Однако студенту-иностранцу важно учитывать особенности каждой культуры и принимать ее принципы для адекватного вхождения в чужую коммуникативную среду.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агаркова О.А., Путилина Л.В. Коммуникативный и сравнительно - сопоставительный аспекты комплимент в полиязычном пространстве. Вестник Оренбургского государственного университета, № 8 (208), 2017. с. 17-20
2. Азнабаева Л.А. Семантика фатической речи // Тезисы Всесоюзного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации. М., 1978.
3. Акишина А.А., Формановская Н.И. Русский речевой этикет. Учебное пособие для студентов-иностранцев. М., Русский язык. 1978. 186 с.
4. Андрейчина К., Формановская Н.И. Пособие по русскому речевому этикету для учителя болгарской средней школы. София: издательство Народна Просвета. 1980. С. 143
5. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека // Языки русской культуры. М.: 1999. 896 с.
6. Арутюнова Н.Д. Феномен второй реплики, или о пользе спора // Логический анализ языка. Противоречивость и аномальность текста. М., 1990. с. 175-189
7. Ахмади Бэни Ф. Понимание вежливости и речевого этикета в персидской и русской лингвокультурах // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2022. №8-1. С. 148-159.
8. Ахмади Бэни Ф. Таароф в иранском речевом этикете // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2022. №8-2. С. 299-316.
9. Ахмади З. Вежливость и понятие «таароф» в иранской культуре // История и современность. Наука и школа. – 2014. С. 102-106.
10. Ахманова. О. С. Словарь лингвистических терминов, 1969, Москва, 571 с.
11. Байбурин А.К., Топорков А.Л. У истоков этикета: этнографические очерки. Ленинград: Наука. Ленинградское отд., 1990. 165 с.

12. Бархударов Л.С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода). М., «Междунар. Отношения», 1975. 240 с.
13. Бахтин М.М. Собрание сочинений. Том 5: Работы 1940-х – начала 1960-х годов / - М.: Русские словари, 1997. 732 с.
14. Беликов В. И., Крысин Л.П. Социоллингвистика. Москва, 2001.
15. Бигунова Н.А. (2015). Одобрение, похвала, комплимент и лесть в теории речевых актов, Записки Романо -германской филологии, вып.2. (35), с. 31-40.
16. Бигунова Н.А. Интеграция положительно-оценочных речевых актов в структуру диалогического дискурса (на материале современного английского языка), Вестник Рязанского государственного университета им. С.А Есенина, № 4 (41). 2013. (Дата обращения 10.05.2022 <https://cyberleninka.ru/article/n/integratsiya-polozhitelno-otsenochnyh-rechevyh-aktov-v-strukturu-dialogicheskogo-diskursa-na-materiale-sovremennogo-angliyskogo/viewer>).
17. Брагина Н.Г. Лексикон межкультурной коммуникации: межкультурный диалог и «человек удивляющийся» // Русский язык в формате 3D: лингвистика, образование, культура / Гл. ред. Г.Р. Гаспарян. Ереван: Лингва, 2013. С. 254-261.
18. Валуйцева И.И., Г.Т. Хухуни Сохранение этнической и лингвистической идентичности: единство и противоречие // Вестник Московского государственного областного университета. Серия Лингвистика, 2023, №3, С. 85-93.
19. Вепрева И., Шалина И., Матвеева Т. Русская разговорная речь: аспекты изучения и актуальная проблематика // Quaestio Rossica. Т. 7. 2019. № 3. С. 919-936. Вепрева И. Русская разговорная речь: аспекты изучения и актуальная проблематика// Quaestio Rossica. Т. 7. - 2019. - № 3. С. 919–936.
20. Виноградов В.В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. - М., 1977. С. 140-161.

21. Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). М. - Л.: Учпедгиз, 1947. 785 с.
22. Винокур Т.Г. Стилистическое развитие современной русской разговорной речи // Развитие функциональных стилей современного русского языка / Ред. Т. Г. Винокур, Д. Н. Шмелев. М.: Наука, 1968. С. 12–101.
23. Винокур Т.Г. Говорящий и слушающий. Варианты речевого поведения. М., 1993. 171 с.
24. Владимирова Т.Е. Русский язык и русская языковая личность в полицентричном мире / Т. Е. Владимирова // Филологические науки (Научные доклады высшей школы). - 2013. - № 2 (июль). С. 3-15.
25. Г.А. Барина, Е.А. Земская, Л.А. Капанадзе и др. // Русская разговорная речь: Тексты. М., 1978. 306 с.
26. Гиззатуллина Л. Т. Речевой акт "комплимент" как неотъемлемый компонент современной коммуникации // Вестник Татарского государственного гуманитарно-педагогического университета. 2008. № 1 (12). С. 27-29.[DOI:<https://doi.org/10.52547/LRR.13.1.13>].
27. Голестан П. Сопоставительная характеристика речевого этикета в русских и персидских деловых письмах // Вестник ЦМО МГУ. М.: 2012, № 4. С. 89-92.
28. Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни. М.: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2000. 304 с.
29. Гофман Э. Ритуал взаимодействия: Очерки поведения лицом к лицу / Пер. с англ.; под ред. Н.Н. Богомоловой, Д.А. Леонтьева. М.: Смысл. 2009. 319 с.
30. Гынгазова Л.Г. Ритуальные жанры в языке диалектной личности // Русский язык как средство реализации диалога культур. Хабаровск: Изд-во ХГТУ, 2005. С. 46-56.
31. Дмитриева Л. Ф. и др. Английский для студентов. Курс перевода. Ростов-на-Дону: Март, 2005. 300 с.

32. Ерзинкян Е.Л. Лингвистическая категория вежливости: семантика и прагматика/ Е. Л. Ерзинкян – Ереван: ЕГУ, 2018. 410 с.
33. Ермакова. О. П. Жизнь российского города в лексике 30-х - 40-х годов XX века: краткий толковый словарь ушедших и уходящих слов и значений. Изд. 2. 2011. 192 с.
34. Жэнь Жань. Комплименты в русской лингвокультуре с позиции носителя китайского языка. Дис... канд. филол. наук, 5.9.5, Москва. 2022. 145 с.
35. Забылин М. Русский народ. Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия. В 4 ч. М.: Институт русской цивилизации, 2014. 688 с.
36. Занадворова А. В. Язык малой социальной группы (на примере семьи) Глава 5, части II, Речевое общение в малых социальных группах (на примере семьи), глава 3, части III // Социальная и функциональная дифференциация современного русского языка (отв. ред. д.ф.н. Л.П. Крысин), М., «Языки славянской культуры», 2003, С. 277-340; 381-402.
37. Захарьянц Я. А. Речевой акт комплимент и речевой этикет // Теория языка и межкультурная коммуникация, 2009. с. 32-35.
38. Земская Е. А. Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы обучения. М.: Русский язык, 1979. 240 с.
39. Иванцова Е.В. Ритуал потчевания в традиционной народной культуре // Теоретические и прикладные аспекты филологии: Сб. науч. тр., посв. 10-летию каф. РЯЛ ИЯК ТПУ. Томск: STT, 2004. С. 141–145.
40. Капанадзе Л. А. Голос – мой хитрец. // Голоса и смыслы. Избранные труды по русскому языку. М.: Институт русского языка РАН. 2005. 333 с.
41. Карасик В.И. Характеристики педагогического дискурса // Языковая личность. Проблемы лингвокультурологии и функциональной семантики: Сб. науч. тр. Волгоград: Перемена, 1999. С. 3-18.
42. Караулов. Ю. Н. Русский язык и языковая личность. Акад. наук СССР. Отд-ние лит. и яз. М.: Наука, 1987. 261 с.

43. Кастлер Л. Негативная и позитивная вежливость: различные стратегии речевого взаимодействия // Агрессия в языке и речи: Сборник науч. статей / сост. и отв. ред. И.А. Шаронов. М.: РГГУ, 2004. С. 9-19.
44. Кирилина А.В. Гендерные исследования в лингвистике и теории коммуникации: Уч. пособие. М.: РОССПЭН. 2004.
45. Китайгородская М. В., Розанова Н. Н. Речь москвичей: Коммуникативно-культурологический аспект. М.: 1999. 396 с.
46. Китайгородская М.В., Розанова Н.Н. Современная городская коммуникация: Тенденции развития: (На материале языка Москвы) // Русский язык конца 20 столетия (1985–1995). М., 2000. С. 345-383.
47. Китайгородская М.В., Розанова Н.Н. Языковое существование современного горожанина: На материале языка Москвы. М., 2010. 496 с.
48. Клименко О. К. Категория вежливости и речевой этикет в русском языке // Русский язык в современном обществе: Функциональные и статусные характеристики. 2005. №2005. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kategoriya-vezhlivosti-i-rechevoy-etiket-v-russkom-yazyke> (дата обращения: 18.08.2022).
49. Кожевникова К. Спонтанная устная речь в эпической прозе: (На материале соврем. рус. худож. лит.) / Квета Кожевникова. Прага: Univ. karlova, 1971. 165 с.
50. Козьякова М. И. Этикет как феномен культуры // Культура культуры. 2016. №4 (12). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/etiket-kak-fenomen-kultury> (дата обращения: 18.08.2022).
51. Комиссаров В. И. Теория перевода (лингвистические аспекты): учеб. пособие. М.: Альянс, 2013. 253 с.
52. Костомаров В.Г. Русский речевой этикет // Русский язык за рубежом. 1967. № 1. С. 56–62.
53. Кронгауз М.А. Русский речевой этикет на рубеже веков // Russian Linguistics. 2004. Vol. 28. No. 2. P. 163–187.
54. Кронгауз М.А. Семантические и прагматические перевоплощения слова «матушка» // Русский язык за рубежом, № 5, 2023, с. 48-56.

55. Кузьменкова Ю.Б. Стратегии речевого поведения в англоязычной среде. Курс лекций // English. 2005. No 17. С. 57-63.
56. Ларина Т. В. Категория вежливости в английской и русской коммуникативных культурах. М.: Изд-во РУДН, 2003. 315 с.
57. Ларина Т. В. Категория вежливости и стиль коммуникации: Сопоставительный анализ английских и русских лингвокультурных традиций. М.: Языки славянских культур, 2009. 512 с.
58. Ларина Т. В. Концепт «вежливость» в коммуникативном сознании русских и англичан // Człowiek Swiadomosc Komunikacja Internet. Warszawa, 2004. С. 284-293.
59. Ларина Т. В. Ритуал, ритуализованность и стиль коммуникации: межкультурный аспект // Ритуал в языке и коммуникации. М., 2013, с. 267-278.
60. Ларина Т. В. Этностилистика в ее коммуникативном аспекте // Известия РАН. Сер. литературы и языка. 2007. Т. 66. № 3. С. 3-17.
61. Ларина Т.В., Камех Хош Неда Культурные ценности и понимание вежливости в британской, русской и персидской лингвокультурах// Аспекты исследования вежливости и речевого этикета/ Русский язык за рубежом. №2. 2021. С. 10-18.
62. Левина О.И. Категории вежливости в японском языке. 2021 (<https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/285861/1/277-280.pdf>).
63. Лич Дж. Н. Принципы прагматики. Лондон, Нью-Йорк: Лонгман, 1983. 250 с.
64. Лоренц К. Агрессия или Так называемое Зло / СПб.: Амфора Эврика, 2001. 350 с.
65. Малиновский Б. Проблема значения в примитивных языках // Epistemology & Philosophy of Science. 2005. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-znacheniya-v-primitivnyh-yazykah> (дата обращения: 24.12.2022).
66. Мельчук И. А., Иорданская Л. Н. Смысл и сочетаемость в словаре. Москва, Изд.: Языки славянских культур. 2007.

67. Мельчук, И. А. Опыт теории лингвистических моделей Смысл-Текст / И. А. Мельчук. М.: Школа «Языки русской культуры», 1999. 346 с.
68. Мостафави Х. Речевой акт комплимента в русском и персидском языках. 2013. <https://cyberleninka.ru/article/n/rechevoy-akt-komplimenta-v-russkom-i-persidskom-yazykah>.
69. Норова М. Комплимент в России и Иране. Магистерская диссертация. РГГУ. 2022. 75 с.
70. Остин Дж. Как производить действия при помощи слов. Смысл и сенсibilität. . . : М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги. 1999. 332 с.
71. Панкратов В.Н. Психотехнология управления людьми. М.: Издательство института психотерапии. 2001. С. 37-38.
72. Прима В.В. Гостеприимство в контексте межкультурной коммуникации // Культура и цивилизация. 2013, № 5-6, с. 37.
73. Прохоров Ю.Е., Стернин И.А. Русские: коммуникативное поведение. М.: Флинта, - 2006. 238 с.
74. Прохоров. Ю.Е., И.А. Стернин. Русские: коммуникативное поведение. Москва, Изд. «Флинта». 2006. 328 с.
75. Пушкарева Н.Л. Гендерные исследования: рождение, становление, методы и перспективы в системе исторических наук // Женщина. Гендер. Культура. М., 1999. С. 15-33.
76. Романова И.А. Концепт «вежливость» и его объективация в русском языке // Культура общения и ее формирование. Вып.8. 2001. С. 95-97.
77. Семенова Е.А. Место и роль комплимента в русском языке: автореф. дисс. канд. филол. наук. М., 2010. 25 с.
78. Серль Дж. Что такое речевой акт? // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII. Теория речевых актов. М.: Прогресс, 1986. С. 151–169.
79. Синячкин В.П. Тамимдари М., Шафаги А. Лингвокультура «хлеб» и устойчивые обороты с компонентом «хлеб» в русском и персидском языках // Филологические науки. 2018, № 2, с.17-27.

80. Степанов Ю. С. Альтернативный мир, Дискурс, Факт и принцип причинности // Язык и наука конца XX века/ М.: Изд-во РГГУ, 1995. 432 с.
81. Тамберг Ю.Г. Как научиться говорить комплименты. 2000. www.natm.ru/triz/articles/tam_kp00.html.
82. Трофимова Н. А. Экспрессивные речевые акты в диалогическом дискурсе. Семантический, прагматический, грамматический анализ. СПб.: Изд. ВВМ, 2008. 376 с.
83. Федоров А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка. 3-е изд., испр. М.: АСТ: Астрель, 2008. 878 с.
84. Федосюк М. Ю. Комплексные жанры разговорной речи: «утешение», «убеждение» и «уговоры» // Русская разговорная речь как явление городской культуры. Екатеринбург: «АРГО», 1996. с 105-120.
85. Формановская Н. И. Коммуникативно-прагматические аспекты единиц общения. М.: Ин-т рус. яз. им. А. С. Пушкина, 1998. 291 с.
86. Формановская Н. И. Коммуникативный контакт. М.: ИКАР, 2012. 200 с.
87. Формановская Н. И. Речевое общение: коммуникативно-прагматический подход М.: Русский язык, 2002. 216 с.
88. Формановская Н. И. Русский речевой этикет: лингвистический и методический аспекты М.: Русский язык, 1987. 156 с.
89. Формановская Н. И. Русский речевой этикет: лингвистический и методический аспекты. Изд. 4-е. М.: URSS, 2008. 156 с.
90. Формановская Н. И. Русский речевой этикет: нормативный социокультурный контекст. М.: Русский язык, 2002. 160 с.
91. Формановская Н. И. Употребление русского речевого этикета. М.: Русский язык, 1982. 193 с.
92. Формановская Н.И. Речевое взаимодействие: коммуникация и прагматика. М.: ИКАР, 2007. 480 с.
93. Формановская Н.И. Речевой этикет и культура общения. М. 1988. 238 с.

94. Формановская Н.И. Русский речевой этикет. лингвистический и методический аспекты. М.: Русский язык, 1982. 126 с.
95. Формановская Н. И. Речевое действие и деятель // Русская речь. 2008. N 3. С. 40-46.
96. Формановская Н.И. Речевой этикет в русском общении: теория и практика. М.: ВК, 2009. 333 с.
97. Фуфаева И.В. Диминутивы как средство вежливости в русском языке // Русский язык за рубежом: № 2, 2021, с.32-39.
98. Черч И.В, Штукарева Е.Б. Лексика гостеприимства в русской языковой картине мира // Современные исследования социальных проблем. 2019, том 11, № 5, с.257- 268.
99. Шанский Н. М. Фразеология современного русского языка: Учеб. пособие для вузов по спец. «Русский язык и литература». 3-е изд., испр. и доп. М.: Высш. шк., 1985 160 с.
100. Шаронов И. А. Вежливость и речевой этикет: грани общего и различного // Русский язык за рубежом. М.:, №2, 2021. с. 4-9.
101. Шаронов И. А. Этикетные ситуации и этикетные формулы: исследование и описание в целях преподавания РКП // Из практики преподавания русского языка как иностранного взрослым. М.: РГГУ, 2021. С. 19-28.
102. Шаронов И.А. Столкновение этикетных норм. Церемонность и простота в общении // Московский лингвистический журнал. Том 7, № 2. Тематический выпуск. Русский речевой этикет: семантика и прагматика. М.: 2003, с. 151-175.
103. Шаронов. И.А. О конвенциональной резкости в речи русских. М. Языки русской культуры, 1999. С. 58-63.
104. Шаронов. И.А. Поиск и описание коммуникативов на основе национального корпуса русского языка // "Методы когнитивного анализа семантики слова: компьютерно-корпусный подход". Коллективная

монография. Изд. "Языки славянских культур", 2015. Отв. ред. В.И. Заботкина. Гл. 5, с. 145–187.

105. Шаронов И.А. Коммуникатив *идет!* как формула согласия // Русский язык за рубежом. 2023, № 5, с. 43-47.

106. Швейцер А. Теория перевода. М., 1988. 212 с.

107. Шор Р.О., Язык и общество. М. 1926. 160 с.

108. Язык. Культура. Познание Автор: Вежбицкая А. Изд.: М.: Русские словари. 1996. 416 с.

109. Якобсон Р.О. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против». URL: <http://www.philologos.narod.ru/classics/jakobson-lp.htm> (дата обращения: 18.08.2022)

110. Yabuuchi A. Hierarchy politeness: What Brown and Levinson refused to see / - Intercultural Pragmatics 3-3, 2006. 323-351.

111. Alavi, F., & Zeinali, S. (2014). A study of how cultures interact in the translation of complimentary speech with emphasis on the French translation of the story of the guest of the mother, by Houshang Moradi Kermani, Al-Zahra University Linguistics Quarterly, 6(11), 162-135.

112. Albin D. Close strangers: Patient-patient interaction rituals in acute care hospitals. In M. H. Jacobsen (Ed.), The contemporary Goffman. - London: Routledge, 2010. 352–371.

113. Alirezaei Sh. Compliments in the culture of the Iranian people, Najv ā-ye Farhang, Nos. 8 & 9, 2008. 114-101.

114. Arundale R. Face as emergent in interpersonal communication: an alternative to Goffman. In: Bargiela-Chiappini, F., Haugh, M. (Eds.), Face, Communication and Social Interaction. Equinox, London, 2009. 33-54.

115. Arundale R. Face as a research focus in interpersonal pragmatics: relational and emic perspectives. J. Pragmat. 58, 2013.108-120.

116. Bargiela-Chiappini F. Face and politeness: new (insights) for (old) concepts. J. Pragmat. 35, 2003.1453-1469.

117. Beeman, W. Tongue. Dignity and power in Iran, translated by Moghadam Kia, Ney Publication, Tehran, Iran.2002. 377 pp.
118. Beeman W. Language, Status and Power in Iran. Indiana University Press, Indiana. 1976. 280 pp.
119. Brown. P., Levinson. S. C. Politeness: Some universals in language usage// Cambridge: Cambridge University Press, 1987. 345 pp.
120. Cheli E., Teorie e tecniche della comunicazione interpersonale. Un'introduzione interdisciplinare, Franco Angeli, Milano 2004. 240 pp.
121. Coulmas. F. Conversational Routine // Conversational Routine: Exploration in standardized communication situations and prepatterned speech. The Hague: Mouton 1981. 331 pp.
122. Eslami Z. Invitations in Persian: ostensible or genuine. Intercult. Pragmat. 2 (4), 2005. 453-480.
123. Faika, Z. Courtesy and compliments in Iran. Iranian Studies, 6(1), 2016. 105- 124. doi: 10.22059/jis.2016.60597.
124. Ferguson, Charles A. 'The structure and use of politeness formulas'. In: Language: nsociety, vol. 5: 1976.137-151.
125. Goffman E. interaction Ritual: Essays on Face-to-Face Behavior / - NY: AldineTransaction, 2005. 270 p.
126. Goodwin Ch., Heritage J. Conversation Analysis // Annual Review of Anthropology. – LA: Annual Reviews, Inc., 1990. Vol.19, pp. 283-307.
127. Hall, E. Understanding cultural differences: Germans, French and Americans / Yarmouth: Intercultural Press, 2000. 224 pp.
128. Hashemi, S.M.R., Hosseini Fatemi, A., & Davaei, S. Comparison of socio-cultural demarcations of "definition and praise" in English and Persian, language and translation studies, Bahar, 1, 2010. 25-39.
129. Ide S. Formal forms and discernment: two neglected aspects of universals of linguistic politeness. Multilingua 8, 1989. 223-248.
130. Izadi, A. Persian honorifics and im/politeness as social practice // Journal of Pragmatics 85. 2015. 81-91.

131. Izadi, A. "Exploring Iranian compliments", *Journal of Linguistic Research*, 10th year, 2nd Issue, 2018. pp. 67-82.
132. Jafari, F., & Ghiasi Zarch, A. Ceremonious politeness and Iranians' social relations: A case study of teaching Persian as a second language. *Persian Language and Iranian Dialects*, 3(1), 2018. 93-112.
133. Jones, Edward E. *Ingratiation: A Social Psychological Analysis* / - New York: Irvington Publishers. 1977. 211 pp.
134. Kadar, D.Z. *Relyatsionnye ritually i obscheniye: ritual'noye vzaimodeistviye v gruppah* [Relational Rituals and Communication: Ritual Interaction in Groups], Khiam, Tehran, Iran. 2013. 234 pp.
135. Kotlaki, S. politeness system, compliments and the concept of image in Iranian culture Publisher: Scientific and Cultural Publishing Company Translators: Zahra Farrokhnejad, Azardekht Jalilian Farsi language Year of publication: Printing turn: N1. 2017. 246 pp.
136. Koutlaki S. Offers and expressions of thanks as face enhancing acts: ta'arof in Persian. *J. Pragmat.* 34 (12), 2002. 1733-1756.
137. Leech, G. N. *Principles of Pragmatics* / G. N. Leech. L.: Longman, 1983. 257 pp.
138. Moradi Kermani H. *Mom's guest (long story)* Tehran. straw release, 2008. 96 p.
139. Robert Elisabeth. *Xenophobe's Guide to the Russians*. London, Oval Project Ltd., 1993. 64 p.
140. Sacks H., Schegloff E., Jefferson G. A simplest systematics for the organization of turn- taking for conversation // *Language*. 1974. Vol. 50. No. 4 (part 1). P. 696-735.
141. Shafaghi M. Speech Act of "Compliments" in Russian and Persian Verbal Environment. Vol. 13, No. 1, Tome 67, 2022. pp. 391-424. <https://orcid.org/0000-0003-0244-0651>.
142. Sharifian F. *Cultural Conceptualizations and Language*. John Benjamins, Amsterdam. 2011. 225 p.

143. Sharifian F. Cultural schemas in L1 and L2 compliment responses: a study of Persian-speaking learners of English. *J. Politeness Res.* 4 (1), 2008. 55-80 pp.
144. Soren, F. "Courtesy and compliments in Iran", *Journal of Iranian Studies*, the sixth year, no.1. 2016. 105-126 pp.
145. Tavernie, J.B. *Travelogue of Tavernier*, translated Nouri, A.T., Sanai Library, Tehran, Iran. 1984. 734 p.
146. Zia-Hosseini M. *Fundamentals of linguistics for students of the faculties of Linguistics, translation and education*. Tehran: pub.Raxnama 2009. pp.310.
147. E. Sapir, *The Status of Linguistics as Science*, «*Language*», vol. 5, 1929. 207-214 pp.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ СЛОВАРЕЙ

1. Балакай А.Г. Словарь русского речевого этикета: 2-е изд., испр. и доп А. Г. Балакай. М, 2004. 672 с.
2. Большая российская энциклопедия. М., 2017. Т. 33. 527 с.
3. Большой Толковый Словарь Русского Языка / гл. ред. Кузнецов С.А. СПб.: Норинт, 2000. 1536 с.
4. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. Первое издание: СПб.: Норинт, 1998. Публикуется в авторской редакции 2014 г.
5. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – 2-е изд., доп. – М. Большая рос. энцикл., 2002. 709 с. Терминол. указ.: с. 627-650. Указ. языков мира: с. 651-660. Аннот. имен. указ.: с. 684-707.
6. Рубинчик, Ю.А. Персидско-русский словарь. В 2 томах. Издательство: Русский язык; Издание 2-е, стер. Переплет: твердый; 1664 страниц; 1983 г.
7. Словарь иностранных слов, второе издание, Москва, изд. Русский язык, 1984 г.
8. Словарь русского языка в четырех томах, под редакцией А.П.Евгеньевой, издание третье. Москва, изд. Русский язык, 1986.
9. Словарь русского языка в четырех томах, под редакцией А.П.Евгеньевой, издание третье, Москва, изд. Русский язык, 1986 г.
10. Толковый словарь живаго великорусского языка, Владимир Даля, второе издание, томъ второй, издание книгопродавца Типографа М.О. Вольфа, М., 1881 г.
11. Толковый словарь современного русского языка / Ушаков Д.Н. Москва : Аделант, 2014. 800 с.
12. Учебный словарь Б. А. Лapidуса и С. В. Шевцовой (1962 г.) и Частотный словарь современного русского литературного языка Э. А. Штейнфельдт (1963 г.). 876 с. [http:](http://)

//www.plccr.ru/uploads/109613960253163a54a6b4654b0208d1e86db8.pdf дата обращения 25.03.2023

13. Dai al-Islam, S.M. Farhange Nezam [Nezam Dictionary], Tehran, Iran, 1985
14. Dehkhoda A.A. Dictionary of Dehkhoda, Tehran, Iran, 1963-23911p.
15. Hajiah M. Etiquette of communication, Hani, Hamedan, Iran, 2007-64p.
16. Moshiri, M. Farhang Persian [Persian Dictionary], Tehran, Iran, 1992 1950 p.
17. Nafisi A.A. Farhang Nafisi [Nafisi Dictionary], Tehran, Iran, 1931.4022 p.
18. Padshah M. Anandraj: A Comprehensive Persian Dictionary, Tehran, Iran, 1927- 518 p.